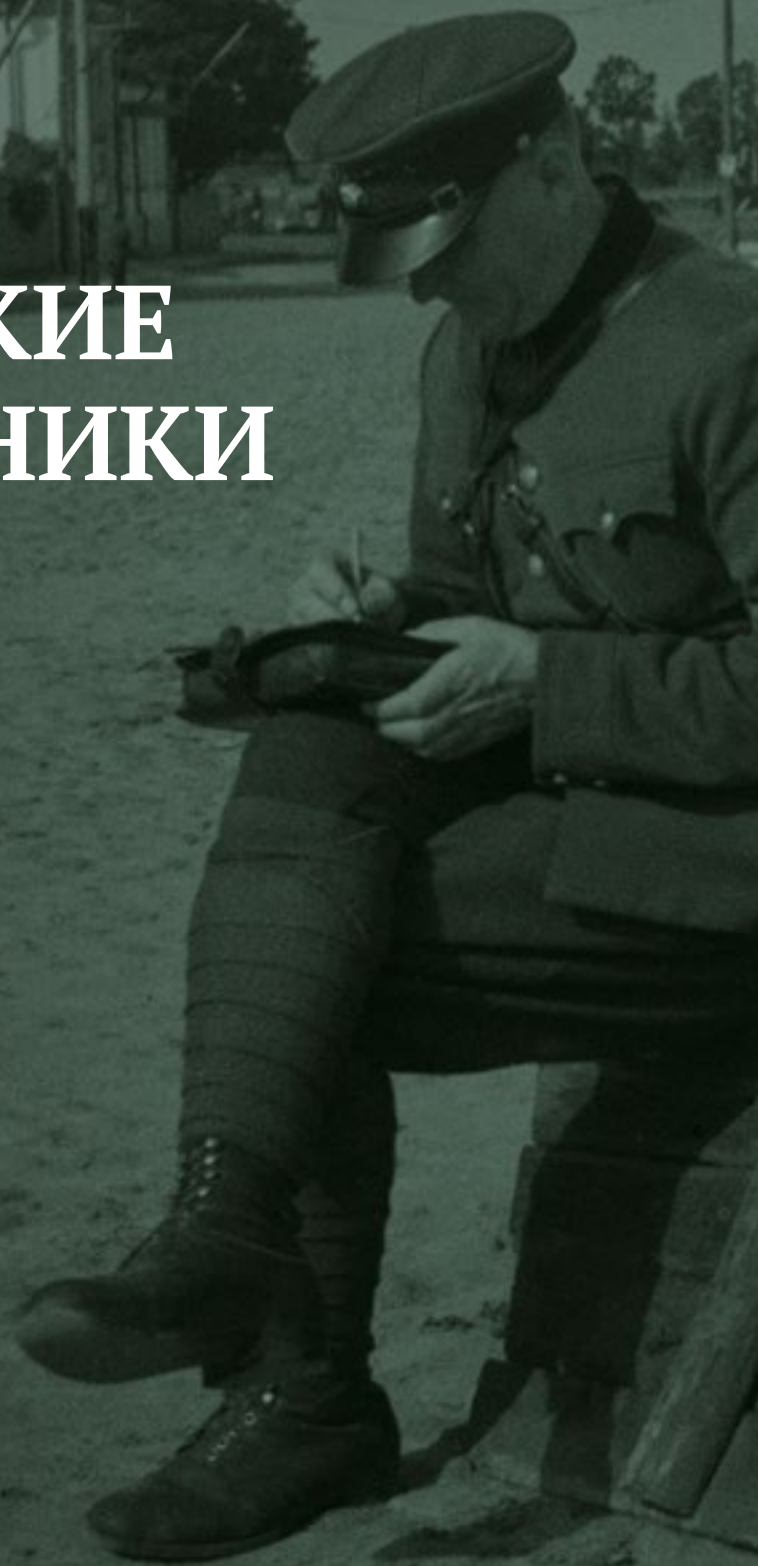

Густав Рянк

ВОДСКИЕ ДНЕВНИКИ

Густав Рянк

ВОДСКИЕ ДНЕВНИКИ
(1942, 1943)

Eesti Rahva Muuseum
Tartu 2022

Густав Рянк

Водские дневники (1942, 1943)

Публикуется по решению Издательской коллегии Эстонского национального музея

Составление и перевод с эстонского языка: Светлана Карм

Редактор: Николай Кузнецов

Редакционная коллегия: Индрек Яатс, Марлеэн Метслайд, Туули Каалеп

Комментарии к дневникам: Светлана Карм, Индрек Яатс

Сканирование фотографий: Ану Ансу, Берта Янэс

Дизайн: Сергей Сидоров

На обложке: Густав Рянк делает заметки перед почтовой конторой в Нарве.

Фото: Э. Лайд, ERM Fk 1009:12

ISBN 978-9949-548-99-6 (pdf)

Издание подготовлено при поддержке Программы родственных народов

Министерства образования и науки Эстонской Республики

© Eesti Rahva Muuseum, 2022

© Svetlana Karm, 2022

«Восточные экспедиции» эстонских исследователей 1942–1943 гг.

Светлана Карм

Эта книга рассказывает о води – финно-угорском народе, проживающем на северо-западе России и насчитывающем сегодня всего несколько десятков человек. Книга рассказывает об истории и судьбе, а также быте и культуре водского народа в годы Второй мировой войны, когда водские деревни находились в немецком тылу в десятках километров от фронта. Эти тексты в дневниковом жанре описывают действительность, представшую перед эстонскими этнологами в их исследовательской экспедиции к води, состоявшейся «в чрезвычайное время и в чрезвычайных условиях» (Ariste 2005: 47).

1940-е годы, о которых повествуют дневники, были переломными и в истории Эстонии. Это было время, когда страна потеряла независимость, и одна власть сменялась другой. В июне 1940 года Советский Союз аннексировал республики Прибалтики, и Эстонская Республика стала Эстонской Советской Социалистической Республикой (ЭССР), превратившись в провинцию Советской империи и подчинившись общесоюзному контролю и управлению. В июне 1941 года Германия напала на Советский Союз, в августе немцы заняли Таллинн, а уже с декабря вся Эстония находилась под контролем гражданской администрации нацисткой Германии – Министерства по делам оккупированных восточных территорий. Вместе с Латвией, Литвой, Западной Белоруссией и северо-восточной частью Польши она была включена в состав Государственного комиссариата оккупированных восточных территорий (*Reichskommissariat Ostland*) и представляла отдельный генеральный округ (*Generalbezirk Estland*). Одновременно существовало и Эстонское самоуправление (*Eesti Omavalitsus*), фактически подчинявшееся оккупационным властям и занимавшееся, прежде всего, местными вопросами. Осенью 1944 года немецкая оккупация снова сменилась советской, а свою независимость Эстония смогла вернуть только в августе 1991 года.

В военной обстановке, когда Эстония и большая часть бывшей Ингерманландии были оккупированы немцами, в 1942 и 1943 годах эстонские исследователи предприняли ряд экспедиций к прибалтийско-финским народам Ленинградской области, побережья Рижского залива и восточного побережья Чудского озера – к води, ижоре, ливам и эстонцам. Полевые исследования эстонских ученых проводились с одобрения оккупационных властей и немецкой службы безопасности (*Sicherheitsdienst*) и финансировались Тартуским университетом и Директорией образования Эстонского самоуправления; транспорт, питание и размещение ученых на оккупированных территориях полностью зависели от немецкой армии.

История исследования финно-угорских культур содержит немало примеров собирания фольклорно-этнографического материала в военное время, конечно, не без согласия и поддержки со стороны государственных властей¹. Эстонские комплексные экспедиции с участием специалистов разных профилей (этнографов, языковедов, фольклористов, историков, художников, физических антропологов) были обусловлены, прежде всего, интересом немецких властей к численному составу и национальной принадлежности населения оккупированных территорий. Уже осенью 1941 года гражданская администрация Германии при участии местных органов самоуправления начала регистрацию (перепись) национальных меньшинств. Воспользовавшись этим, Тартуский университет договорился с немецкими властями о направлении эстонских ученых к прибалтийско-финским народам Ленинградской области (см. подробнее Arens 1994, Kurs 1994, 1998, Jääts 2022). Работа регистрационной комиссии (*Erfassungskommission*), к которой примкнули ученые, проводилась с ведома Главного управления полиции безопасности в Берлине, которое постоянно информировалось о ходе и результатах работы. По поводу регистрации населения и статистических исследований был тесный контакт и с Финским правительством. Регистрационной комиссией собирался материал о национальном составе Ингерманландии, численном составе эстонцев и финнов (здесь подразумеваются ингерманладские финны, ижора и водь), их положении в царское время, потерях в результате большевицкого террора, нынешнем положении и о возможностях предоставления им помощи. (Noormets 2001: 43–44) Независимо от личных мотивов исследователей, этнолого-лингвистические экспедиции поддерживали эти цели и были призваны обосновать и представить прибалтийско-финское население оккупированных территорий культурно принадлежащим и тяготеющим к той или иной стране: карел, ингерманландских финнов и вепсов – к Финляндии, а водь и эстонцев Ингерманландии и восточного побережья Чудского озера – к Эстонии (Medijainen 1995: 1135, Сурво 2007, Salminen 2008: 149–153, Suominen-Kokkonen 2008: 127, Pimiä 2009: 31, Jääts 2022: 62–64).

Организатором этнографических экспедиций к води был исполнявший в то время обязанности директора Эстонского национального музея этнограф-археолог Эрик Лайд (Erik Laid, 1904–1961). В состав первой экспедиции вошли профессор этнографии Тартуского университета Густав Рянк (Gustav Ränk, 1902–1998), только что получивший степень магистра этнограф Ильмар Тальве (Ilmar Aleksander Talve, 1919–2007), а также лингвист, в то время старший ассистент библиотеки Тартуского университета Пауль Аристэ (Paul Ariste, 1905–1990) и студент-художник Ильмар Линнат (Ilmar Linnat, 1914–1987). Члены экспедиции, кроме Линната и Тальве, хорошо знали русский язык, Аристэ владел также водским, а Тальве – финским языком. В снаряжение участников экспедиции входили брезентовые дождевики, фотоаппараты, измерительные ленты, письменные принадлежности и личный велосипед Э. Лайда. В Таллинне экспедиционная группа получила все необходимые свидетельства и документы, с немецкого склада им была выдана полевая кухонная утварь – котелки, ложки, вилки и ножи, бутылки для воды, а также дневной паек на дорогу,

¹ Еще в годы Первой мировой войны благодаря ходатайству Венгерской академии наук ряд венгерских и австрийских ученых получили возможность работать с военнопленными финно-угорского происхождения в лагере г. Эстергом; известно также, что в 1914–1915 гг. финские и эстонские исследователи собирали языковедческий материал у раненых солдат в военных госпиталях г. Хельсинки (Fokos-Fuchs 1915/16, 1916/17, 1951; Munkácsi 1916, 1952; Lach 1926; Wichmann 1930; Beke 1938, Ariste 1987: 676; Ross 2012).

русские винтовки и немного патронов. Э. Лайду удалось также выпросить большой рулон фотопленки. (Talve 2008 [1991]: 183–185)

Экспедиция выехала из Тарту 16 августа и работала до 16 сентября 1942 года, базовыми точками в Ленинградской области стали деревни Котлы и Маттия. Отсюда делались вылазки в ближние и дальние деревни – Пумолицы, Раннолово, Малое и Большое Рудилово, Корветино, Савикино, Пиллово, Иципино, Краколье, Пески. Исследовательские темы были распределены следующим образом. Кроме руководства экспедицией, Э. Лайд собирал материалы по археологии, одежде, пастушеству и женскому рукоделию; в обязанности Г. Рянка входил сбор материала о земледелии (особенно о жатве и молотье), а также рыболовстве, постройках и приготовлении пищи; И. Тальве собирал информацию о мужских ремеслах, средствах передвижения и традиционной социальной культуре; П. Аристэ занимался фольклором и языковедческими вопросами, И. Линнат – рисованием этнографических объектов (Ränk 1960: 135; Talve 1981: 7; Västriik 2005: 8). Вместе с тем, исследователи особо строго не придерживались отдельных тем и записывали все, что удавалось узнать или казалось интересным, – свидетельством тому поступившие в музей материалы и позднейшие публикации ученых по водской теме.

Такую же широкомасштабную экспедицию планировалось провести и летом 1943 года. Так, 3 августа в газете *Postimees* сообщалось, что в воскресенье на территорию Ингерманландии выехала группа ученых из Тартуского университета, которая будет заниматься разносторонним изучением языка, фольклора, антропологии и этнографии води – живущего там финно-угорского племени. Также был назван состав группы – директор музея Э. Лайд, профессор доктор Г. Рянк, профессор доктор Ю. Ауль, профессор доктор Ю. Мягисте, доктор П. Аристэ, магистр Ф. Ойнас и художник И. Линнат. Также сообщалось, что часть участников работала в Ингерманландии и в прошлом году, и что на этот раз исследовательская группа пробудет там около месяца. (Rühm ülikooli õppejõude... 1943). Подобная же заметка, но в сокращенном виде, появилась и в другой газете (Teaduslik uurimisreis Ingerisse 1943).

Однако, как выразился в своем дневнике Густав Рянк, «Наша нынешняя „Восточная экспедиция“ в техническом плане оказалась сложнее и труднее, чем прошлогодняя водская поездка. Запланированная большой и продолжительной, „Восточная экспедиция“ по воле обстоятельств превратилась в относительно короткую поездку к води, из состава которой еще до „старта“ выпало 3 человека» (ERM Ak 5.4/5, 6.08.1943). Так, буквально перед выездом в поле «внезапно заболел настоящий организатор экспедиции Эрик Лайд» (там же) – в июле 1943 года, когда в Тарту немцами была раскрыта подпольная националистическая организация и начались аресты, Э. Лайд как один из организаторов сети Эстонского движения сопротивления и инициатор митинга, состоявшегося 24 февраля 1943 года в Тарту, 2 августа бежал в Финляндию (Erelt 1997: 467, Talve 2008 [1962]: 196). Из бывших участников к тому времени успел покинуть Эстонию и Ильмар Тальве – в начале 1943 года, когда немецкие власти объявили обязательную мобилизацию для юношей 1919–1923 годов рождения, он бежал в Финляндию и вместе с многими другими молодыми эстонцами вступил в Финляндскую армию (Talve 1997: 304, Viires 2009: 265–266). В последний момент по личным причинам отказался от поездки и Пауль Аристэ – участники экспедиции должны были ехать в экспедицию в эсэсовской форме, и чтобы не попасть в списки Германской армии SS, он симулировал болезнь почек (у него была почечная

недостаточность), на полпути вернулся в Тарту и даже провел несколько дней в больнице (Heinsoo 1995: 62). Вероятно, впоследствии решение отказаться от этой экспедиции дало ему возможность остаться в Эстонии², однако не спасло от ареста – с мая 1944 по май 1945 П. Аристэ сидел в тюрьме по политическому обвинению советских властей (Västriк 2005: 9). Таким образом, из этнографов в водской экспедиции 1943 года участвовал только Густав Рянк, художником опять-таки поехал Ильмар Линнат. В составе команды, как уже отмечалось в газетной статье, были также профессор прибалтийско-финских языков Юлиус Мягистэ (Julius Mägiste, 1900–1978), лингвист Феликс Ойнас (Feliks Johannes Oinas, 1911–2004), физический антрополог профессор³ Юхан Ауль (Juhan Aul, 1897–1994) и его ассистентка-секретарь⁴.

Экспедиция 1943 года выехала из Тарту 1 августа, в базовый пункт экспедиции – село Котлы – прибыли только 7 августа. Отсюда делались пешие вылазки в близлежащие деревни; 13–17 августа базовой была деревня Краколье. В итоге экспедиция «обошла» деревни Котлы, Пумалицы, Раннолово, Маттия, Корветино, Краколье, Пески и Лужицы, Ундово, Рудилово, Пиллово, Великино и Валговицы (см. составленный Рянком отчет об экспедиции, стр. 72–73 данной книги). В соответствии с составом экспедиции, отличалась и исследовательская работа. Так, не собирался систематически фольклор, в меньшем объеме велась и этнографическая работа – Рянк как «знаток обстановки» был более связан с другими участниками экспедиции, знакомя коллег с людьми и помогая вести антропологические измерения населения.

В результате двух водских экспедиций в фонды музея поступили коллекции этнографических предметов, рисунков и фотографий (см. список в конце книги). Еще после первой поездки Густав Рянк подготовил серию газетных заметок о водской культуре (Ränk 1942, 1943), небольшая газетная статья вышла и у Ильмара Тальве (Talve 1943). Позднее Г. Рянк и И. Тальве издали свои водские материалы отдельными статьями (Ränk 1948a, 1948b, 1951, 1952, 1955, 1959, 1966) и монографиями (Ränk 1960⁵; Talve 1981), а Пауль Аристэ стал ведущим специалистом по воде – им написаны десятки работ, посвященных разным аспектам водской культуры. Не повезло лишь материалам Эрика Лайда – по словам И. Тальве, к концу экспедиции у Э. Лайда было сделано 250 страниц записей, как и у Г. Рянка (Talve 1942: 62–63), но после его эмиграции они были уже недоступны для автора, и судьба этих записей пока остается неизвестной.⁶ Материалы полевых исследований позднее использовали в своих публикациях и другие участники водской экспедиции (Oinas 1955; Mägiste 1959; Ауль 1964), причем о самих экспедициях авторы в своих научных публикациях обычно упоминают лишь

² Помимо П. Аристэ, из участников водской экспедиции продолжить свою научную и творческую карьеру в Советской Эстонии смогли антрополог Юхан Ауль в Тартуском университете и художник Ильмар Линнат в Государственном художественном институте Эстонской ССР (в настоящее время Эстонская академия искусств – *Eesti Kunstiakadeemia*); остальные участники военно-полевых экспедиций 1942–1943 годов эмигрировали.

³ Профессура антропологических и расовых наук была открыта в Тартуском университете в июле 1943 года, в годы немецкой оккупации лекции Ауля были обязательными для всех студентов естественных наук (Russow 2021: 73).

⁴ В экспедиционных документах и отчете Густава Рянка имя секретаря не упоминается, но она запечатлена на двух его фотографий (ERM Fk 1049: 25, 26).

⁵ Следует отметить, что в этой монографии в числе участников экспедиции не упоминается И. Линнат. Может быть, потому что он не был исследователем, или же таким образом Г. Рянк хотел защитить своего шурина от гонений со стороны советских властей (Ränk 1960: 7).

⁶ Так, в музейном каталоге и актах приема в музей этнографических предметов, собранных в экспедиции 1942 года, сделана запись: «Подробную информацию [о предмете] см.: Э. Лайд. «О водской этнографии», но самих текстов в музейном архиве найти пока не удалось (Jääts 2022: 61).

вскользь, ограничиваясь парой предложений или небольшим абзацем.

Военно-полевые исследования финских и эстонских ученых, проведенные ими в годы Второй мировой войны среди прибалтийско-финских народов на оккупированных территориях Карелии, Ленинградской области и Восточного Причудья, равно как и работа некоторых языковедов с финно-угорскими военнопленными⁷, по известным идеологическим причинам долгое время замалчивались, полевые материалы экспедиций и аналитические статьи о них стали появляться только на рубеже XX–XXI столетий (см. Talve 1990; Arens 1994; Helminen 2008; Suominen-Kokkonen 2008; Salminen 2008: 149–153; Pimiä 2009). Частично или вскользь отражение нашли и экспедиции эстонских исследователей (см. Heinsoo 1995; Kurs 1994, 1998; Noormets 2001; Västriк 2005; Weiss-Wendt 2013; Rahi-Tamm, Kuusik 2017; Kalling, Tammiksaar 2021). Конкретно этнологическим исследованиям эстонцев у воды посвящена пара статей: основываясь на полевых дневниках, мемуарах самих ученых и архивных материалах, в них освещается путь в науку и драматическая судьба эстонских ученых Густава Рян-ка, Ильмара Тальве и Эрика Лайда, вынужденно эмигрировавших из Эстонии и долгое время остававшихся вне поля научных трансляций даже на родине⁸ (Карм, Загребин 2015), а также раскрывается исторический контекст и анализируются результаты этнографических изысканий (Jääts 2022).

В данной книге впервые на русском языке издаются водские материалы эстонского этнографа Густава Рян-ка: не публиковавшиеся ранее полевые экспедиционные дневники 1942 и 1943 годов, отчет экспедиции 1943 года и серия статей о водской культуре, напечатанных в газете *Eesti sõna* в декабре 1942 года. Водские дневники являются частью его личного архива, поступившего в Эстонский национальный музей в конце 1998 года уже после смерти ученого (ERM Ak 5). Личную библиотеку и архив ученого передал в музей его сын Таави Рянк (Taavi Ränk, 1938–2012). Дневник 1942 года представляет собой общую тетрадь в полоску объемом 322 страницы (размеры 175x218 мм), содержащую разные полевые этнографические записи (данные об информантах, задаваемые вопросы и полученную информацию, терминологию и т. п.), сам дневник расположен на страницах 251–313. Записи сделаны простым черным и химическим карандашом, нумерация тематических материалов – карандашом розового цвета. Дневник 1943 года – это блокнот в 137 страниц (размеры 138x196 мм), объединяющий два дневника: водский (стр. 1–66) и ливский дневник с отчетом о работе (стр. 68–133), а также информацию разного содержания «на память» (стр. 134–137). Записи сделаны простым черным и химическим карандашом, отчет – автоматической чернильной ручкой.

Водские дневники Г. Рян-ка и газетная статья, переведенные с эстонского на русский язык, публикуются в полном объеме, без каких-либо сокращений. В издании сохранены также авторские шрифтовые выделения водской терминологии и

⁷ Из эстонских языковедов, например, в начале 1940-х годов с военнопленными финно-уграми работали Пауль Аристэ, Юлиус Марк, Юлиус Мягисте, Ало Паун. (Salminen 2008: 153; Pimiä 2009: 225; Talve 2008 [1991]: 189; Kuznetsov 2004, 2005)

⁸ Ярким подтверждением цензуры являются хранящиеся в музее экспедиционные фотографии Г. Рян-ка и Э. Лайда, на задней стороне которых имя автора зачеркнуто или заклеено. Сам Рянк еще в 1971 году писал: «Нынешняя партийная Эстония старается игнорировать нас и наше творчество, не пропускает через границу наши произведения, но через десятилетия люди будут очень заинтересованы во всем том, что дали эстонцы-эмигранты эстонской культуре. Это, конечно, при условии, что мы и сами будем ощущать себя эстонскими учеными или носителями эстонской культуры» (Ränk 1971: 92).

форма записи отдельных дат в дневнике. При научном редактировании к авторским текстам были добавлены подстраничные комментарии (дополнения переводчика непосредственно к авторскому тексту даются в квадратных скобках), а также откорректировано написание названий населенных пунктов. Так, если в материалах Г. Рянка названия одних и тех же деревень написаны по-разному и порой на разных языках (водские названия деревень никогда официально не признавались, отсутствует и фиксированное правописание названий), то здесь при первом упоминании они даются на русском языке и в скобках на водском, финском и эстонском языках, далее при повторном упоминании используются только русские названия. Водские названия населенных пунктов приведены согласно Словарю водского языка (см. Sõnagaamat 2013: 95). Дневниковые записи дополняются этнографическими рисунками и фотографиями, сделанными участниками полевых исследований и поступившими в музей еще в годы Второй мировой войны. К фотографиям и рисункам даются подписи, сделанные на обороте снимков при оформлении их в фонды⁹ и лишь незначительно откорректированные составителем-переводчиком. Хранящийся в музее визуальный архив материалов водских экспедиций 1942–1943 годов состоит из 1070 фотографий и 95 рисунков, в издании использована лишь мизерная часть этих коллекций. Подборка фотографий и рисунков, разумеется, субъективна, но при выборе предпочтение отдавалось визуальным документам, перекликающимся с дневниковым текстом, и в дань уважения этнографическому диалогу – исследователям и их информантам.

Еще один аспект. На фотографиях участники экспедиций запечатлены в мундирах, что было обусловлено обстоятельствами войны. Особые требования к одежде исследователей были предъявлены уже в первую экспедицию – они должны были носить военные мундиры и иметь при себе оружие. О военной форме каждый участник экспедиции должен был позаботиться самостоятельно, единственным утешением исследователей было то, что мундир мог быть и эстонским (Talve 2008 [1991]: 183–185). Касательно военных чинов И. Тальве сообщает, что группа была весьма на низком уровне, ибо Э. Лайд и П. Аристэ вообще не служили по состоянию здоровья, он сам до того, как русские вступили с маршем на территорию Эстонии, не успел побывать в армии. Да и И. Линнат был по чину только рядовой или сержант. Самый высокий чин имел Густав Рянк, прослуживший в Эстонской армии санитаром-младшим офицером (там же, 185). О неприязни к военной форме и психологической некомфортности в связи с его ношением Аристэ еще в 1942 году писал в своем дневнике: «Очень странное чувство находиться здесь [в Нарве, С.К.], в здании полиции, ибо полиция никогда не была для меня приятной институцией. Однако мы бы никак иначе не попали к воде, кроме как в форме полиции безопасности. Гражданское население не пускают в Россию, гражданское лицо не смогло бы там даже поесть. Едем в свою экспедицию квазиполицейскими. Носим на рукаве повязки с надписью „*Im Dienste der Sicherheitspolizei*““. Во имя науки люди готовы разводить на себе колонии вшей. Наша повязка, конечно, не вошь, хотя носить ее совсем нелегко» (Ariste 2005: 21). В 1943 году П. Аристэ отказался от поездки, чтобы не носить мундир SS и не оказаться в списках Германской армии.

⁹ Вероятно, они были составлены самими авторами, но подписывали снимки другие музейные сотрудники. Так, например, подписи к отдельным фотоколлекциям Г. Рянка сделаны разным почерком, к тому же отличающимся от почерка в дневниках.

Историк права Ильмар Аренс, один из участников экспедиции 1943 года к эстонцам восточного Причудья, позднее в своих мемуарах также напишет, что, хотя у исследователей имелись с собой разные документы, для предотвращения недоразумений любое передвижение людей в штатском во фронтовом тылу было запрещено немецкими властями, и ношение мундира было единственным способом, позволявшим выполнять насущную, важную с национальной и исторической точки зрения задачу изучения судьбы небольшой частички эстонского народа в сталинскую эпоху, до 1941 года. «Именно тогда мы осознали поразительный факт, что попали в пасть крокодила, поскольку организатором продолжавшейся с 1942 года переписи национальных меньшинств в Ингерманландии была немецкая [служба безопасности] *Sicherheitsdiens*t, сокращенно SD. SD стали ошибочно отождествлять с гестапо, особенно в послевоенной исторической литературе и в народе. /... / В любом случае, они обе были нам крайне отвратительны». (Arens 1994: 28–29) Так или иначе, для исследователей национальное самосознание было гораздо важнее национал-социалистической идеологии, ибо немецкая оккупация рассматривалась (или сознательно формировалась сверху) скорее как инструмент против советской угрозы, а сотрудничество с немцами воспринималось как способ восстановления утраченной национальной независимости в будущем, после войны (Russov 2021: 69–70). Сотрудничество с немецкими властями обернулось для многих эстонских финно-угроведов эмиграцией, и нам известно, как сложилась их дальнейшая судьба. Но нам мало известно о том, что стало с их водскими информаторами¹⁰, и как повлияла работа с эстонскими исследователями на их судьбу. Вероятно, в какой-то мере на это могли бы ответить их потомки.

¹⁰ Например, из водских дневников П. Аристэ выясняется, что с некоторыми женщинами-информантами 1942 года (Мария Боранова, Авдотья Ануфриева, Матрена Герасимова) он встречался и позднее, собирая у них материал (Ariste 2005: nimeregister).

ДНЕВНИК 1942 ГОДА

Водская экспедиция:
Густав Рянк делает
заметки перед почтовой
конторой в Нарве.
Фото: Э. Лайд,
ERM Fk 1009:12

Воскресенье, 16 августа.

Выезд из Тарту. Располагаемся в общем вагоне (для перевозки скота), но там нас находит дежурный по поезду и направляет в вагон для солдат. Во всяком случае, хорошее свидетельство внимания немцев к нашему делу¹¹. Вечером, по прибытию в Таллинн, расходимся, намереваясь каждый найти себе ночлег.

Понедельник, 17 августа.

Утром собираемся в штабе, где начинается «оформление» нашего состава. При выдаче удостоверений появляется загвоздка: никто нам не сообщил, что к удостоверению должно быть приложено фото. Однако справляемся и с этим: за час фотограф делает нам снимки, и все в порядке. В час дня идем на вокзал, и уже около ½ 3 поезд отправляется в сторону Тапы. В Тапе пересадка. Вечером около десяти в Нарве. Здесь уже второй раз проявляется чуткое внимание немцев к нашей поездке. Выходим из поезда и направляемся в зал ожидания, чтобы выяснить, как связаться с местным начальником, который должен был сопроводить нас дальше. Неожиданно около нас появляется молодой человек в штатской одежде, интересуется, кто мы, и направляет нас к стоящей перед вокзалом легковой автомашине. Нас везут в войсковую часть, где в комнате для гостей нас ожидает пять совершенно одинаковых коек. Первые опасения по отношению к востоку – проверяем кровати на наличие клопов и прочих насекомых (паразитов). Во время сна окончательно выясняется, что наши опасения были напрасными. Кровати были чистые и удобные для сна, на матрасы мы постелили взятые с собой простыни, под голову положили домашние подушки. Уже око-ло ½ 11 мужчины погружаются в сладкий сон. Скоро я засыпаю и сам, хотя сон, несмотря на усталость, беспокойный и прерывистый.

11 Об этом в своем дневнике пишет и Пауль Аристэ: «Как порядочные солдаты, мы сели в «салонный» вагон, как сейчас называют вагоны для транспортировки скота. Вскоре в дверь заглянул мужчина в каске и спросил: «Военнослужащие?». Лайд извинился и ответил: «Еще нет, только с завтрашнего утра», но это не помогло. Мужчина поманил нас пальцем: «Следуйте за мной!» и сопровождал нас в пассажирский вагон, где были только эстонские солдаты. По военным законам, военнослужащим и простому народу нельзя ехать вместе. Они должны быть четко разделены, ибо в пылу оживленной беседы солдат может забыть обязанность по неразглашению сведений» (Ariste 2005 [1942]: 18).

Вторник, 18 августа.

Утром просыпаемся очень рано. Голос Аристэ слышен, кажется, уже примерно с 5 часов. После подъема выясняется и первая материальная потеря экспедиции. Вчера вечером Лайд забыл в вагоне дождевик, который он одолжил специально для поездки у Вассара¹². Он сходил на вокзал, но что упало, то пропало. В штабе выясняется, что добраться до места на поезде нельзя. Возможность получить автомашину должна проявиться в обед, в 12.30. Свободное время мы используем для ознакомления с городом. Заходим на почту и отправляем в Тарту несколько писем, посещаем два нарвских музея и собор. Обед в 12.30. Едим свой первый солдатский обед, состоящий из супа и рисовой каши с черничным вареньем. Еда была приготовлена хорошо и вкусно. Затем был небольшой послеобеденный перерыв. Лайд сходил на вокзал за велосипедом и привел его в порядок. Выясняется, что машины для нас сегодня не будет. Следовательно, придется ждать до завтра.

Среда, 19 августа 1942 г.

Между тем выясняется, что машину в село Котлы (Kattila)¹³ нам не дадут. Итак, остается поезд. Вчера вечером, около 10 часов, когда мы были уже в постели, нас взбудоражили слабый гул русского самолета и грохот ракет противовоздушной обороны. Небо освещали прожектора.

Утром, в 8 часов, мы идем на поезд и уже через полчаса отправляемся в путь. В 8.40 мы переезжаем через Российскую границу. В Кингисеппе выходим из поезда с надеждой на возможность найти автомашину. По поводу машины совершаем визит к референту SD¹⁴ господину Липпу и в окружную военную комендатуру (Ortskommandantuur). В комендатуре мы также получаем свой пищевой рацион. Едим на скамейке перед вокзалом и ждем грузового поезда, который отвезет нас

12 Artur Vassar (1911–1977) – историк и археолог.

13 Названия населенных пунктов при первом упоминании даются на русском языке и в скобках на латинице на водском, финском и эстонском языках, далее при повторном упоминании используются только русские названия. В материалах Г. Рянка названия одних и тех же деревень также написаны по-разному, здесь они приводятся в соответствии с данными Словаря водского языка (Sõnaraamat 2013: 95), в котором имеется также карта водских деревень (с. 94).

14 Германская служба безопасности (нем. *Sicherheitsdienst*)

в Веймар (Veimar). К нам подходит старый ижорец, беглец из Стрельны (Strelna), и просит закурить. Аристэ вступает с ним в беседу.

Около ½ 2 снова трогаемся в путь.

На станции Тикопись (эст. Tikkapesa, фин. Tikanpesä) мы встречаем эстонскую женщину (девушку) Мейгас (родом из той же деревни, что и Суло Хальтсонен¹⁵). Мейгас рассказывает, как в начале войны отсюда пытались выслать всех (эстонцев). Но они смогли сбежать подальше и потому спаслись, как и некоторые другие эстонские семьи. Поезд мчится, мы сидим на открытой платформе и наслаждаемся красивой погодой. Скоро прибываем в Веймар, где начинается железнодорожная ветка в Котлы. Теперь нам путь открыт. Останавливаемся у железнодорожников,

15 Sulo Haltsonen (1903–1973) – литературовед и фольклорист ингерманландского происхождения.

где Лайд знакомится с одним санитаром – младшим офицером, который уговаривает его поехать в Котлы на велосипеде. Лайд намерен подыскать там для нас квартиру и питание, и они уезжают. Обедаем, впервые из общего солдатского котла, из своих котелков. Капустный суп, вкусный. На лестнице двое мальчишек-ингерманландцев, с чашками в руках выпрашивают еду. У них сегодня удачный день, так как все свои излишки мы отдаем им. Позднее, во время моего «дежурства», в комнату заходит женщина-ингерманландка, дочь бывшего кистера из Молоскавицы (фин. Moloskavitsa), отца, брата и мужа котрой сослали в Россию. Ее саму уволили с учительской должности как представительницу «сословия священнослужителей». Она хочет купить масло, но его у нас, конечно же, нет. Женщина рассказывает, что в прошлом году они видели

Участники водской экспедиции
на железнодорожном вокзале
в Тарту.
Фото: Э. Лайд,
ERM Fk 1009:1

Груженный велосипед Э. Лайда перед замком Копорье.
Фото: Э. Лайд,
ERM Fk 1009:327

Участники экспедиции за едой на платформе вокзала в Кингисеппе (Ямбурге).
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:3

здесь поезда с нашими [эстонскими] репрессированными. Заходит Аристэ и сообщает, что сходил в эстонскую деревню, бывший колхоз, куда эстонцы на заброшенном советском тракторе перевезли свои дома обратно. Вместе с Тальве навещаем местного старшего лесничего – эстонца. И он перевез свой дом на тракторе. Он же объясняет нам, что при власти большевиков запретили подсеку, что хозяйство и зарплата облагались четырехкратными налогами и т. п. За продовольствием приходилось ездить в Веймар, но и там не всегда удавалось достать все продукты. Поблизости был построен химический завод, откуда «по трубам» собирались направлять яд в Ленинград. Строителями были в основном евреи. Так как рабочих было много, то деревню «украсил» огромный, наподобие особняка, «буфет», где можно было выпить и развлечься. Я спросил у местных, были ли среди местных эстонцев коммунисты. Отвечают положительно, хотя добавляют, что, исходя из нынешней конъюнктуры, они переселились в Эстонию (спасаясь от соседских глаз). У мужчины сильный русский акцент, а дети младше 10 лет играют с собакой на русском языке. Спрашиваю, была ли здесь эстонская школа. Отвечают, что эстонской школы уже давно нет¹⁶, так как конституция запретила подчеркивание национальных особенностей.

В сумерках занимаем места в вагоне котлинского состава, который должен отправиться ночью, в 2.30. Занимаем спальные места (в мягком вагоне французского производства), но утром замечаем, что мы все еще стоим на месте. Лайд еще после обеда поехал на велосипеде в Котлы в сопровождении фельдшера эстонца.

16 В 1920-е годы в рамках советской политики коренизации в местах компактного проживания национальных меньшинств были созданы национальные сельсоветы и районы, и начался массовый перевод начальных школ, действовавших в таких местах, на родной язык обучения. В 1926–1927 учебном году в Ленинградской области было 75 эстонских школ из общего числа 368 национальных школ, а к 1933 г. в городе и области действовало без малого 500 начальных национальных школ, в т. ч. 90 эстонских. В количественном отношении эстонские школы области занимали второе место после финских. Во время большого террора 1937–1938 гг. на волне борьбы с «национализмом» и «шпионажем» в Ленинградской области были полностью ликвидированы остатки общественно-культурной жизни этнических меньшинств, в том числе все 125 национальных сельсоветов, из них 17 эстонских. Преподавание в национальных школах со второго полугодия 1937–1938 учебного года было переведено на русский язык. (Мусаев 2007: 335–336, 338–339)

Четверг, 20 августа 1942 г.

Время уже 9.30, но поезд все еще стоит на станции. Поговорили с немцами и со вчерашними ингерманландскими мальчишками-попрошайками, успели попить и кофейку. Наконец стало известно, что поезд отправится через полчаса. Вскоре поехали. Проезжаем станцию, следующая остановка уже наша – Котлы.

Лайд встречает нас на станции с лошастью и телегой, в которую мы складываем свои вещи. Выясняется, что наш извозчик – вожанин, из той же деревни Котлы. Для нас забронировано жилье в помещении военной авиабазы (нем. *Fliegerhorst*), там же мы получаем и питание. Нам забронирована комната с пятью деревянными кроватями, двумя скамейками и небольшим столом с х-образными ножками. Очевидно, здание построено русскими, неотесанная бревенчатая постройка топорной работы с неплотными прогнувшимися половыми досками. Часть дома пострадала от ударов артиллерии береговой охраны, крыша и остатки печи висят в воздухе. Тем красивее кажется окрестность: мы находимся на возвышенности, с юга и запада открывается вид на синеву лесов.

После обеденного супа совершаем первое знакомство с этнографическими окрестностями. Вместе с Тальве и Аристэ направляемся в ознакомительный поход в южно-водские деревни Пумалицы (Pummala) и Раннолово (Raanola/Lempola). Аристэ остается в Пумалицах беседовать с одной случайно встретившейся женщиной. Выясняется, что этнографический материал сохранился повсюду, надо лишь взяться за дело. Вечером, около 6 часов, возвращаемся домой и пьем чай. Аристэ приходит позже и заявляет: «Сегодня был самый важный день в моей жизни». Его информант оказалась прекрасной женщиной: старая дева, колдунья и хорошая сказительница. Лайд поехал на велосипеде в дальние деревни, к 19.30 еще не вернулся.

Вид на Раннолово.
Фото: Г. Рянк,
ERM Fk 1007:11

Деревенский мотив, д. Маттия.
Фото: Э. Лайд,
ERM Fk 1009:349

Тимофей Иосифович Морозов на лодке-долбенке на Бабинском озере. Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:247

Семья Петра Боранова за чисткой картофеля, д. Маттия. Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:139

Воскресенье, 23 августа 1942 г.

Все пребывают в таком большом рабочем пылу, что ни у кого, кроме «дневального», нет времени вести дневник. Сегодня я на «вахте» и потому есть время задним числом записать впечатления первых дней.

В пятницу утром приступили к работе в деревне Маттия (Matti/Matjo). Материала для изучения там много, так что и на следующей неделе можем работать там же. Устроили там свой штаб в водском хозяйстве у Морозовых, он же является сельским старостой (Николай Морозов). Деревня должна быть чисто водская, и по самой последней переписи здесь должно быть много воды, но обрусение, как и в других местах Ингерманландии, и здесь сделало свою разрушительную работу. Люди постарше еще знают свой язык (как они сами говорят – «по-чудейски»), хотя ежедневным языком общения, похоже, является русский; молодежь же, выросшая в советское время, не знает по-водски ни слова. Дети без исключения все русскоязычные, не владеющие местным языком. Наш хозяин, молодой Николай Морозов (ему 33 года) с трудом говорит на родном языке. Его жена чистокровная русская. Его отец Тимофей Морозов (66 лет), который живет в другой части дома и в прошлом был сортировщиком пиломатериалов, хорошо говорит на водском языке, также и мать Николая Серафима Ивановна (66 лет). От старика Морозова мне большая помощь, ибо он хорошо знает и эстонский язык. Он несколько раз бывал в Эстонии, а прошлым летом скрывал у себя эстонских солдат, желавших перебежать на немецкую сторону.

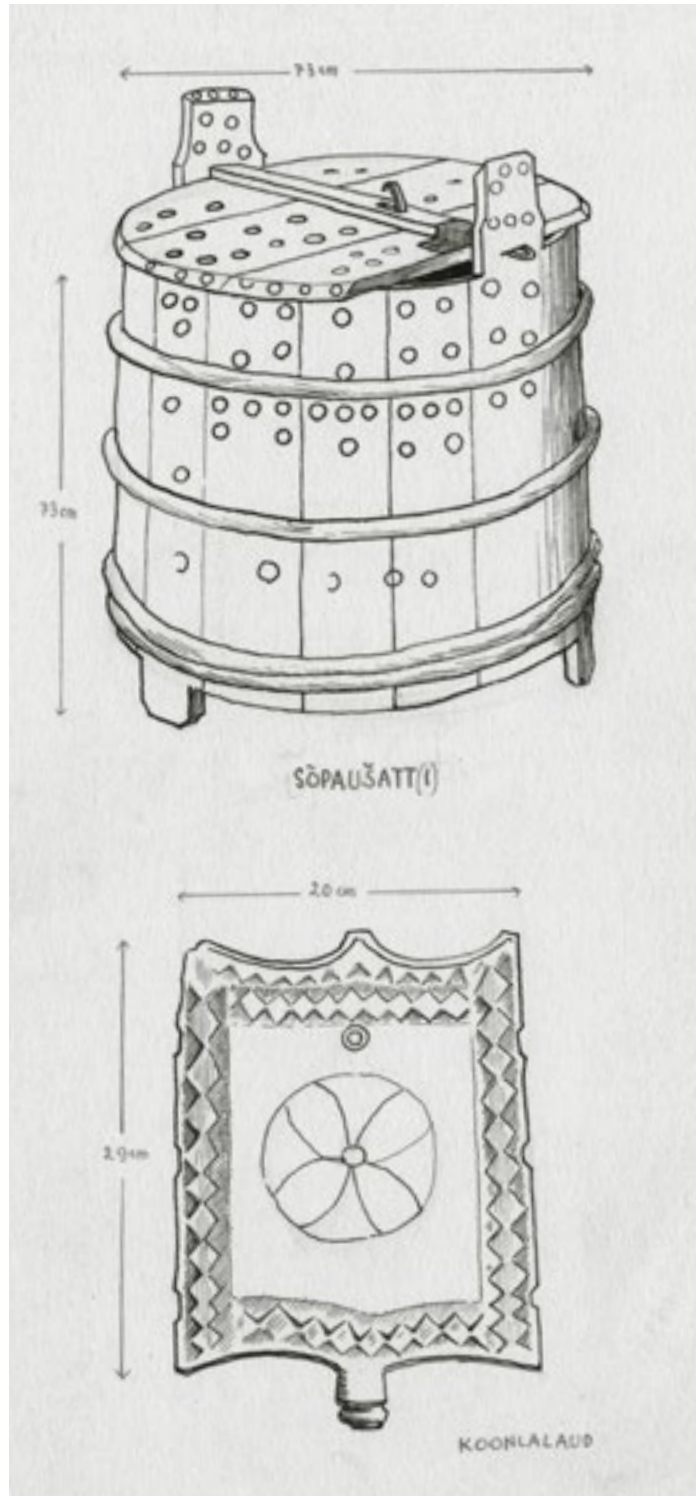
Второй довольно сведущий вожанин в деревне – Петр Боранов¹⁷. Умный мужик, который, кажется, испытывает удовольствие от нашего приезда. Его жена (47 лет) также рада ощущать себя вожанкой. А вообще, в деревне обычно можно слышать: «Я русский, только язык у меня немного другой, чем русский». Кажется, некоторые молодые люди стыдятся своего водского происхождения. Так, например, по соседству с Борановыми в полуразрушенном доме живет семья

¹⁷ В полевых материалах самого Рянк и других участников экспедиции встречаются разные варианты этой фамилии – Баранов, Боранов, последний вариант фигурирует и в дневниках Аристэ (см. Ariste 2005). По данным О. Коньковой (2009: 63), образованная от названия животного фамилия Баранов широко распространена в Маттии, и на вопрос о фамилии, заданный по-водски, в этих местах можно получить ответ: Боррана / Боррана омад (букв. «мы борановские»). Согласно одной из публикаций Рянк (Ränk 1951), в данной книге используется вариант Боранов.

Васильевых, состоящая из двух взрослых дочерей, 15-летнего сына и внука. Дочери полны упрямства, когда что-то спрашиваешь у них на водском языке. Говорят, что мать говорила на каком-то чужом языке, а они сами – русские. У старшей дочери, 23-летней, есть сын от красноармейца. Сам солдат ушел, оставив ребенка с молодой матерью. Женщина, похоже, гордится высоким «положением» своего мужчины и носит дешевые русские серьги. С самой хозяйкой дома неделю назад в Котлах случилась трагедия. Женщина через проволочную тюремную ограду хотела передать военнопленному малину, за что эстонец-надзиратель застрелил ее.¹⁸ Эту историю нам еще раньше рассказал и начальник эстонской части лейтенант М-К, который пожаловался, что у охранников постоянные проблемы с сующимися к ограде женщинами. Мол, в продуктовых пакетах они могут передать записки и даже оружие.

Пребывая в этой водской деревне, находящейся на последней стадии обрусения, нельзя освободиться от мысли, что через несколько десятилетий еще об одном родственном народе останется только память. Эту частичку, уже сейчас с трудом называемую народом, неминуемо придется вычеркнуть из списка финно-угорских народов. Водь навсегда войдет в список «вымерших» народов, как это когда-то случилось со славными народами меря и мурома. Могучий водский народ, в свое время принявший участие в создании Русского государства, народ, память о котором запечатлена в городе Новгороде, прожил свой век и исчезает, так сказать, на наших глазах. Вероятно, процесс вымирания можно было бы приостановить благодаря школьной политике, если бы дети знали свой родной язык, однако местная молодежь... уже не знает своего языка. В том, что водский народ с такой быстротой идет к своему концу, виновата большевицкая школьная политика последней четверти века. При большевиках водский язык в школах изучался только пару лет; затем господствующее положение занял русский язык. Вот вам и знаменитое уважение большевицкого строя к языку и обычаям народов. Это и есть плоды народной культуры, «национальной

¹⁸ Об этом трагическом событии сообщает и П. Аристэ в своем дневнике 1966 года: «Под вечер беседовал и с братом О. Ивановой Петром Васильевым, 72 лет. Этот старик, хорошо говорящий на водском языке, особо не желает общаться с эстонцами, так как один находившийся на немецкой службе эстонский солдат застрелил его жену, передавшую русскому военнопленному хлеб. Это убийство было совершено как раз тогда, когда в 1942 году я находился в деревне Маттия». (Ariste 2005: 86)

Кадка для хранения одежды и пряслице в хозяйстве Васильевых, д. Маттия. Рисунок: И. Линнат, ERM EJ 161:20

Красный угол в доме Ивана Морозова, д. Маттия.
Рисунок: И. Линнат, ERM EJ 161:24

«Голодные хлебцы» *kakot/lepeški* из белого болотного мха, тертого картофеля и ржаной муки в хозяйстве Николая Морозова, д. Маттия.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:52

по форме и социалистической по содержанию». Видя, что знание русского языка есть единственный путь вперед, народ, бесспорно, содействовал исполнению своего смертного приговора и, наверняка, сам «потребовал» русскоязычной школы.

А какова культура у этого народа? Не иначе, как сугубо русская. Таково первое впечатление. «Внешняя», «материальная» (предметная) культура води ничем не отличается от окружающей русской. Тем не менее, я надеюсь найти некоторые особенности. Так, еще вчера я заметил, что здесь все еще используется полог *uutimõ* (фин. *uudin*, эст. *uude*) – старинное приспособление для защиты от комаров. В сенях того же хозяйства, где стояла кровать с пологом, имелась кадка для приданого *sõpraušatti*.

Однако эти предметы отличаются от своих аналогов, бытующих у соседних народов, только названием. Уверен, что здесь сохранилось много древностей, и нам удастся их найти. На каждом шагу можно встретить памятники язычества. Так, между стропилами на чердаке Морозова я заметил засохшие ветки можжевельника. Они вставлены туда для защиты от молнии. В семье еще помнят, как заносили в дом небольшой пучок колосьев ржи и клали его под икону в красный угол, и как отмечали лошадиный праздник (2 сентября). И вчера по моей просьбе жена Морозова положила колосья под икону, а в соответствующий день нам обещали продемонстрировать и обычай празднования лошадики.

Что касается наших ежедневных забот, то все заняты активным трудом. Прибыв на место и открыв свою дорожную кладь, выяснилось, что все свои носовые платки, кроме одного, что был в кармане, я забыл в Тарту. Лайд забыл списки с нужными сведениями о воде. Солдатская кухня, которая в первые дни казалась скудной, теперь полностью удовлетворяет наши потребности. Утром пьем кофе с простым бутербродом. Днем кладем себе в рюкзак хлеб с маслом и консервы и идем в деревню. Там с разрешения военного коменданта мы можем купить себе молока, которое в целях безопасности я обычно велю прокипятить. Наш рацион в деревне дополняют ягоды смородины, которую здесь многие выращивают. Спать идем рано (в 21.30), но и рано встаем (около 6 часов).

Некоторые семьи в деревне по-настоящему голодали. И сейчас можно встретить так называемый

«голодный хлеб», который пекут на сковороде из муки, обмеленной из брюквы и смородиновых листьев. Получается что-то вроде черной лепешки, напоминающей по цвету и форме коровье дерьмо. Сейчас большой голод уже позади, так как уже собирается новый урожай, да и свежая картошка на столе. Лица стариков свежи, а вот дети частенько бледны и с вздутыми животами. Немецкие власти по возможности снабжали продовольствием, давали зерна и немного семенного гороха. Можно увидеть трагические картины. В деревне Караваево (фин. *Kogovaís*) одна бабка осталась со своими маленькими внуками. Были у них две козы, но обе сдохли. Теперь только козленок на радость детям, но молока он не дает. Сдохших коз засолили и уже съели. Со слезами на глазах женщина сетует на судьбу.

В субботу вечером, по прибытию домой, меня ждал неприятный сюрприз. У Аристэ была высокая температура и понос. Так как и Тальве жаловался на нарушения в организме, я подумал, что причиной

является отравление. Из предосторожности я не стал есть вечерний суп. Аристэ за ночь выздоровел, а к утру выяснилась и причина его болезни: он резал мясо ножом, который был лиловым из-за точения карандаша.¹⁹ Сегодня ребята все пошли в деревню, чтобы попутно сходить и на Бабинское озеро (*Jarvikoisjärvi*, эст. *Babino järv*), на котором много лодок-долбленок.

Мужчины возвращаются домой около ½ 8 вечера. Сначала приходит Тальве, уставший и бессильный. Он сегодня ездил на велосипеде. Оказывается, что расстройство желудка у Аристэ не было связано с цветным карандашом, как он предполагал раньше. В деревне он снова захворал. Выпил там молока, и его несколько раз вырвало. Вечером облачно, и потому рано темнеет. Маленько выпиваем, и настроение поднимается. Только Аристэ сразу ложится спать.

¹⁹ Речь идет о так называемом химическом или чернильном карандаше, получившем распространение на рубеже XIX–XX веков, – стоило увлажнить грифель хотя бы слюной, и карандаш писал фиолетовыми чернилами.

Молотильщики под навесом общественной риги в час отдыха.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:67

Понедельник, 24 августа.

Нашу экспедицию настигла какая-то загадочная эпидемия: я проснулся ночью от боли в животе и вскоре выбежал на улицу. Аристэ стонал во сне. Утром выясняется, что и у Тальве сильно болит живот. На завтрак ничего не едим, пьем только немного черного кофе. Нам с Тальве удалось вскочить на немецкий грузовик, но мы так спешили, что я забыл свой термос и прибор для измерения освещенности²⁰. Прибыв к Морозову, заказываем с Тальве больше 2 литров молока, кипяченого. Я уже пару раз пробовал кипяченого молока, и живот реагировал на это нормально. Около гумна наблюдаем и фиксируем приемы обмолота ржи, начиная с битья снопов об скамейку и заканчивая установкой новых снопов на колосники.

Я фиксирую разные технические термины, связанные как с ригой, так и молотьюбой. Гумно представляет собой бывшую общую ригу четырех семей, ставшую при большевиках колхозной. Сейчас двухчасовой перерыв, после этого пойду фотографировать уборку ржи серпами.

Тальве остался около гумна беседовать с Борановым, топившим ригу. Мужики рассказали нам о колхозной жизни и бранили систему, к которой их принудили хитрыми уловками (большими налогами и т. п.). Знакомлюсь с новым представителем воды, 54-летним Иваном Ивановичем Морозовым, который, кстати, служил в Ижорском полку²¹.

Вторник, 25 августа 1942 г.

Нас настигла настоящая эпидемия, к счастью, быстро проходящая. Аристэ, Тальве и я можем считать себя уже совсем здоровыми. С сильной болью в животе сегодня проснулся Линнат. Поехали на немецком грузовике в деревню Маттия. Оттуда Аристэ один отправился в деревню Корветино (Kõrvõttula), мы втроем – я, Тальве и Линнат, – заказав на обед молоко, направились в сторону Савикино (Savvokkala). Дорога лесом.

В самом начале деревни находим старую ригу с заросшей мхом крышей, которую я фотографирую со всех четырех сторон. Там же фотографирую одного

²⁰ Экспонометр – прибор, используемый для определения подходящей выдержки затвора и диафрагмы объектива при фотосъемке.

²¹ Сформированный в годы I Мировой войны в основном из ингерманландцев полк, воевавший на Эстонской освободительной войне (1918–1920) на стороне Эстонской республики.

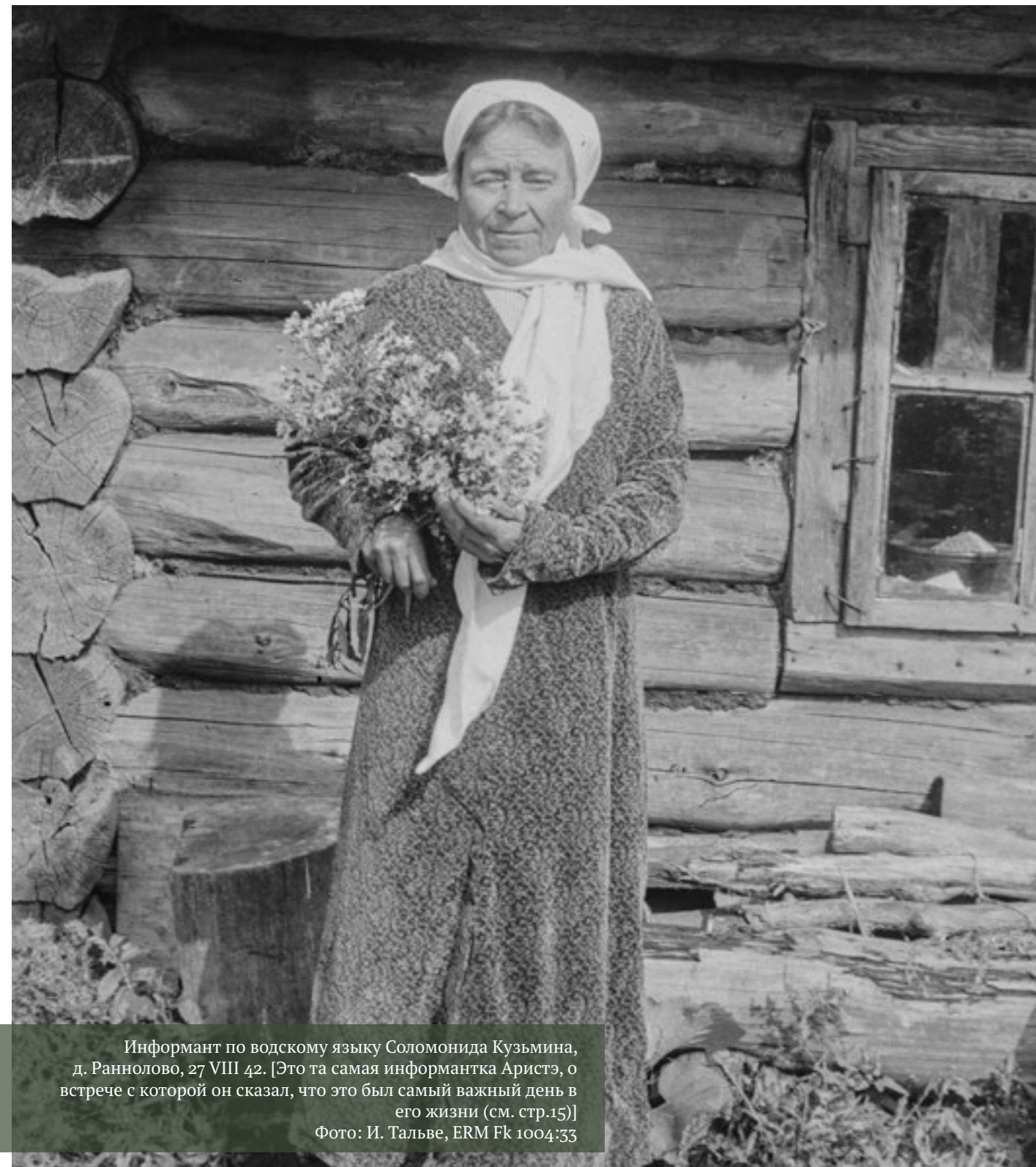
мужчину с метлой и корзиной из сосновой дранки (его отец вожанин, а мать ижорка). Линнат корчится на земле от боли в животе, но появляется немецкая машина и забирает его, чтобы отвезти в Котлы. Деревня удивительно красива, но рядом со стильными старыми постройками стоят и новые дома-коробки. Можно увидеть много хмеля, вьющегося по частоколу и крышам домов. Сразу по прибытию фотографирую избу и амбар (с сениями) из бревен с хорошими шестигранными концами в угловых соединениях.

Идем на берег озера Бабино, что рядом с самой деревней, и находим здесь целый «флот» лодок-долбленок. Погода хорошая, на поверхности озера рябь. Илестый берег бродит и пузырится, жужжат насекомые, а с северного берега время от времени доносится треск пулемета. Говорят, это эстонские парни, охраняющие железную дорогу, стреляют ради забавы.

В общем, погода и местность настолько красивы, что вовсе не хочется работать.

Четверг, 27 августа 1942 г.

Время прошло в делах. После поездки в Корветино поработали в Маттии. Вечером, по прибытию домой, выяснилось, что у Линната высокая температура. Пригласили к нему врача, боюсь, что у него аппендицит. Полежал денек в постели. Сегодня уже все были на улице, пусть и в ближних деревнях Пумалицы и Раннолово. В последней деревне сделали первый план жилища – избы Соломонида Кузьминой. От Марковой, сестры Кузьминой, получил множество устной информации о традициях, похоронных обрядах, застольных обычаях, красном угле и т. д. К ½ 2 возвращались домой перекусить, а после обеда Аристэ с Лайдом работали в одной части Котлов, я вместе с Тальве и Линнатом – в другой. Там встретили еще одного бывшего солдата Ижорского полка Николая Антонова. Я собирался расспросить его о народных традициях, но время ушло на рассказы о его жизни. Антонов в 1931 году был арестован НКВД и «добровольно» сослан в Сибирь, в Новосибирск. Приятный мужчина. В доме у него очень чисто и аккуратно. Линнат рисует красный угол. Похоже, вечером никто не хочет спать, до половины одиннадцатого спорим о положении нашего народа.

Информант по водскому языку Соломонида Кузьмина, д. Раннолово, 27 VIII 42. [Это та самая информантка Аристэ, о встрече с которой он сказал, что это был самый важный день в его жизни (см. стр.15)]
Фото: И. Тальве, ERM Fk 1004:33

Доктор Пауль Аристэ расспрашивает Петра Боранова во время перекура перед его домом, рисует И. Линнат, д. Маттия.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:97

Пятница, 28 августа 1942 г.

Утром, в 7 часов, направляемся с Линнатом и Аристэ в деревню Маттия, где Линнат начинает рисовать хозяйство Петра Боранова. Старый Боранов меняет соломенную крышу погреба, Аристэ расспрашивает его. Погода ранним утром туманная, позже проясняется. Линнат рисует план дома и делает два чертежа в разрезе. Даю ему задание сделать отдельный план избы с указанием всей мебели, но это остается уже на завтра. Сам я составил подробное описание всего домашнего инвентаря.

Около 7 возвращаемся домой.

Суббота, 29 августа.

Сегодня я дежурю. Собираюсь составить итоги проделанной работы, чтоб на их основе поставить новые задачи. Погода ясная, ветренная и холодноватая.

Воскресенье, 30 августа 1942 г.

Сегодня вместе с Тальве знакомимся с деревней Корветино. Я сфотографировал несколько домов, а также «купальский» колодец (*Kupal'a kaev*) и «ильинский» дуб (*Iliatamm*)²². Расспрашивал новый объект – Игната Ивановича Смирнова, от которого получил хорошую информацию о пивоварении.

²² Чуть подробнее Рянк описывает эти объекты в газетной статье, см. стр. 78 данной книги.

Вид с Котлинской возвышенности в сторону д. Маттия (дорога в Усть-Лугу).
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:124

Понедельник, 31 августа 1942 г.

Вместе с Тальве и Линнатом удалось сесть на немецкий грузовик, на котором мы доехали до деревни Маттии. Оттуда сразу пошли в Корветино, где я дал ему [Линнату] задание нарисовать плуг (первый в нашей поездке), борону, лопату для исправления соломенной кровли, амбар с навесом на столбах и валявшиеся в колхозном скотном дворе дровни.

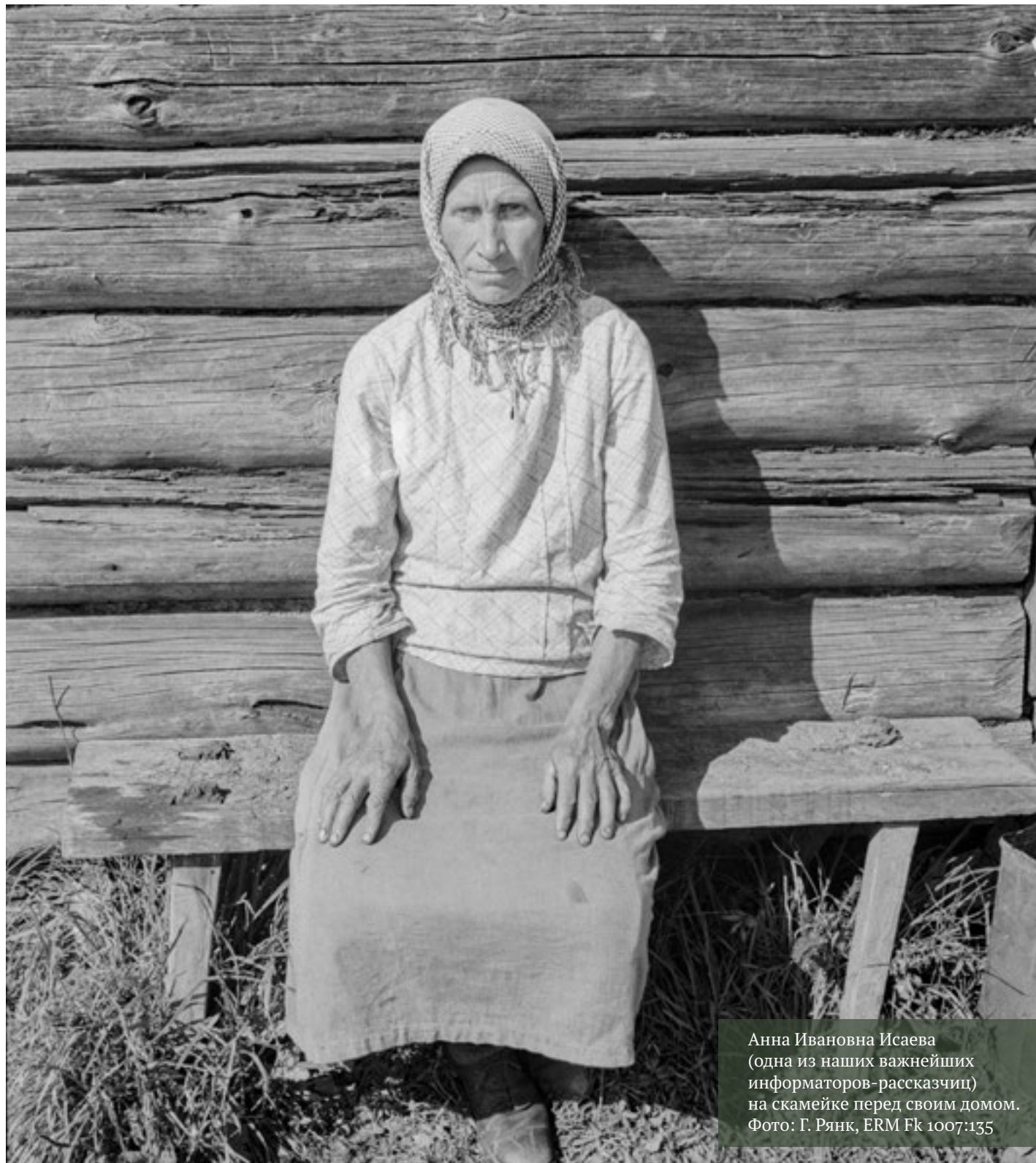
Побеседовал с Анной Ивановной Исаевой (объект Аристэ), от которой получил хорошую информацию о внутреннем разделении жилого помещения. Также сфотографировал внутреннюю обстановку избы Мойсеева, что в самом начале деревни, затем мы вернулись

в Маттию. Вечером с 6 до ½ 8 беседовал в Котлах с Антоновым. Праздник конюхов *Хлаари* (*hobusemeeste püha Xlaari*) проходит без нашего внимания²³.

Вторник, 1 сентября 1942 г.

Вместе с Тальве и Аристэ сегодня утром пришли в деревню Маттия. Линнат поехал туда на велосипеде, успел еще до нас и приступил к рисованию риги. Тальве и Аристэ пошли дальше в Корветино. Я помогал Линнату делать замеры, позже фотографировал жатву овса и ячменя. У Боранова нашел несколько старинных вещей, которые тоже надо будет нарисовать.

²³ Подробнее о празднике автор пишет в своей газетной статье, см. стр. 79-80 данной книги. На русском языке можно встретить разные названия этого праздника: Лошадник, день святых Флора и Лавра, Ф/Хлоров день. Водское название Хлаари происходит от Хлорова дня.

Анна Ивановна Исаева
(одна из наших важнейших
информаторов-рассказчиц)
на скамейке перед своим домом.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:135

Среда, 2 сентября 1942 г.

После обеда съездил на велосипеде в Маттию, остальные остались знакомиться с окрестностями Котлов. Сходил на вокзал и заказал на субботнее утро машину, которая повезет нас в деревню Иципино (Itšäpäivä), где собираемся остаться на три дня. Немецкая машина довезет нас до деревни Луизино (Luizino), оттуда уже пешком придется добираться до деревни [Иципино].

Сегодня расспрашивал старика Тимофея Морозова о рыболовстве. Затем поехал в Корветино, где, как и в прошлый раз, мне опять не повезло: люди все на обмолоте! Наконец мне удалось побеседовать с Иваном Марковичем Моисеевым, рассказавшим мне об обмолоте ржи и обработке льна.

Позднее записал от Анны Ивановны Исаевой некоторые обычаи и верования.

В половине третьего был уже обратно в Маттии, где выпил дневную норму молока и попытался расспросить Тимофея Моисеева об охоте.

Он дал мне мало информации, ибо народные охотничьи обычаи уже исчезли. Чувствуется, что работа с нынешними объектами начинает подходить к концу. Надо бы еще раз съездить ради рыболовства в Савикино и Бабино (Babino), но поездка туда откладывается, уже после Иципино. Погода на редкость устойчивая. Днем тепло и сухо, а ночью уже довольно холодно. У нас опять нет электричества, поэтому уже с раннего утра на ногах (обычно в ½ 6). Да и твердая кровать с тонким одеялом особо не привлекают. Все уже приспособились к солдатской жизни. Это значит, что все здоровы и готовы к бою. Иногда ведем между собой словесные бои из-за табака, так как наши некурящие бдительно следят за тем, чтобы мы не получили хотя бы сигареты или горсточку табака больше, чем они. «Господин никотин» – это козырь!²⁴

²⁴ Табак и сигареты были дефицитом и имели большой спрос у местного населения, исследователи использовали их для мотивации своих информантов. См. также: Ariste 2005: 40; Talve 2008: 18.

Четверг, 3.9.42.

Вторая часть нашей экспедиции не обещает быть такой же спокойной, как первая. Вчера, по возвращении домой, нас удивило извещение [комендатуры] о вынужденном переселении: мы должны переехать из казармы в частную квартиру. Комендантом нам выделен дом на перекрестке. Сходили с Лайдом посмотреть [свое новое] жилье. Квартира ничего, только кроватей нет.

Рано утром относим свои вещи и рюкзаки в новую квартиру, пол в которой к нашему приходу еще моют. Между тем Аристэ успевает выяснить, что хозяйка квартиры [Пелагея] Варьягова – вожанка. Беспокоят следы клопов на одной стене, а так комната в порядке. Сегодня я на дежурстве. Отнес в комендатуру почту и принес свежий суп уже в новую квартиру. Кухня, где мы получаем еду, та же самая во дворе казармы. На улице пасмурно и туманно. Дует теплый южный ветер. Изредка от скуки поджигая огнем свечи клопов, осмеливающихся появиться на обоях. С интересом ждем новых приключений в Иципино.

Экспедиция, отправляющаяся в Иципино
«на резиновой тележке» («auf dem Gummiwagen»),
перед железнодорожным вокзалом в Котлах.
Фото: И. Тальве, ERM Fk 1009:280

Пятница, 4 сентября 1942 г.

Вторая часть нашей экспедиции становится более беспокойной, чем первая. Утром все пошли на работу, я с Линнатом в Корветино, где мы сделали план хозяйства Николаева и нарисовали разные предметы в доме немого Моисеева. Около ½ 4 пришли с Линнатом в Маттию, где нас ждала удивительная весть: нас выселяют из Котлов и размещают в Маттии. Квартира в доме одной ижорской тетки. Тальве и Аристэ отправились за нашими вещами в Котлы. Между тем Линнат рисует в доме Боранова часть избы с дверью и печкой, сам я расспрашиваю 92-летнюю Авдотью Максимовну Ануфриеву²⁵. Авдотья – горбатая дряхлая старуха, но бодра душой. Знает немного, но что знает – ясно и монументально. В лице этой старой женщины я впервые за всю водскую экспедицию нахожу родственную душу. Она знает, что эстонский язык является родственным и что ее народ стоит на грани исчезновения, потому что забыли свой язык и веру в бога.

В новой квартире мы чувствуем себя весело. Немного готовимся к утренней дороге и еще до 9 ложимся спать.

²⁵ Аристэ в своем дневнике использует водское имя информанта – Отью Онуфриева (Ariste 2005: 29, 45–46, 55).

Суббота, 5 сентября 1942 г.

Встаем в половине шестого, в 7 часов извозчик Морозов со своей старой седой лошадей уже у наших ворот. К ½ 9 прибываем на вокзал. Там выясняется, что вместо машины в Луизино идет телега с продовольствием. Сейчас, сидя на этом приятно покачивающемся транспорте, я и Аристэ делаем записи в своих дневниках, но это никак не способствует записыванию. [Почерк действительно плохой и неразборчивый]

В пути приятно покачивает, светит солнце. Пейзаж удивительно красив своими первозданными долинами и холмами. Вдоль дороги течет река, делая петли и изгибы в зеленом ландшафте. Изредка, при резком подъеме, мы слезаем с телеги, чтобы облегчить ношу наших кляч. К часам 9 прибываем в Луизино (Luizino), где нас уже ожидает приехавший на велосипеде Лайд. Отсюда дорога заворачивает вправо, в лес, в сторону деревни Иципино. Поначалу дорога выглядит как дорога, но вскоре от нее ничего не остается, кроме прошлогодней колеи. Местами дорога настолько мокрая и грязная, что мы вынуждены свернуть на извилистую тропинку, петляющую по камням и пням между деревьями. Чем дальше, тем темнее и гуще становится лес,

Старейшая в д. Маттия бабка-вожанка
Авдотья Максимовна Ануфриева (92 года).
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:242

и, наконец, мы оказываемся в настоящих «джунглях». Невольно думается: «Рай для партизан!». В лесу сыро и прохладно, но от тяжелого рюкзака по спине бежит пот. Дорога проходит по просеке, но из-за луж приходится передвигаться зигзагами. У Лайда проблемы с велосипедом. Ему кажется, что на обочине он заметил жертвенный камень. Фотографирует. Делаем небольшой перекур и снова идем по прямой лесной просеке. Лес внезапно кончается, а солнце поливает золотом холмы, леса и луга. Виднеется полуразрушенная деревня, вблизи на лугу скирда ячменя и телега с парой немцев. Кладем свои вещи на лестнице одного амбара. Я спрашиваю у немцев название деревни. Отвечают: «Иципино!». Итак, неожиданно мы достигли цели, хотя несколько мгновений назад в большом густом лесу мы этого никак не могли ожидать.

Природа здесь примерно такая же, как и в окрестностях Котлов: как и там, эта деревня также располагается на холме; за долиной виднеется небольшое взгорье с множеством домов; говорят, это Копорье (эст. Кароге, фин. Каргио). Нас поселяют в доме одного ижорца в той части деревни, что называется «ижорский конец» (Isuriots). В комнате делается уборка. Едим. Для разнообразия получаем с хозяйского огорода немного лука и помидоров. Парням даже дали литр молока. Колбаса уже приобрела слегка побочный запах.

После еды идем к реке, вода в которой настолько холодна, что совсем не тянет купаться. Я мою только лицо и ноги, после чего знакомлюсь с деревней. Встречаю одного финна, занятого ремонтом крыши, хорошо говорит и по-эстонски. Он рассказывает о своей судьбе в колхозное время. Выясняется, что раньше деревня была чисто водской, с некоторыми ижорскими родами. А в настоящее время почти вся обрусела. На первый взгляд, люди здесь менее русские по своей природе, чем в Маттии. Не знаю, насколько я объективен в этом плане. За короткое время нахожу еще двух людей, которые также говорят на эстонском языке.

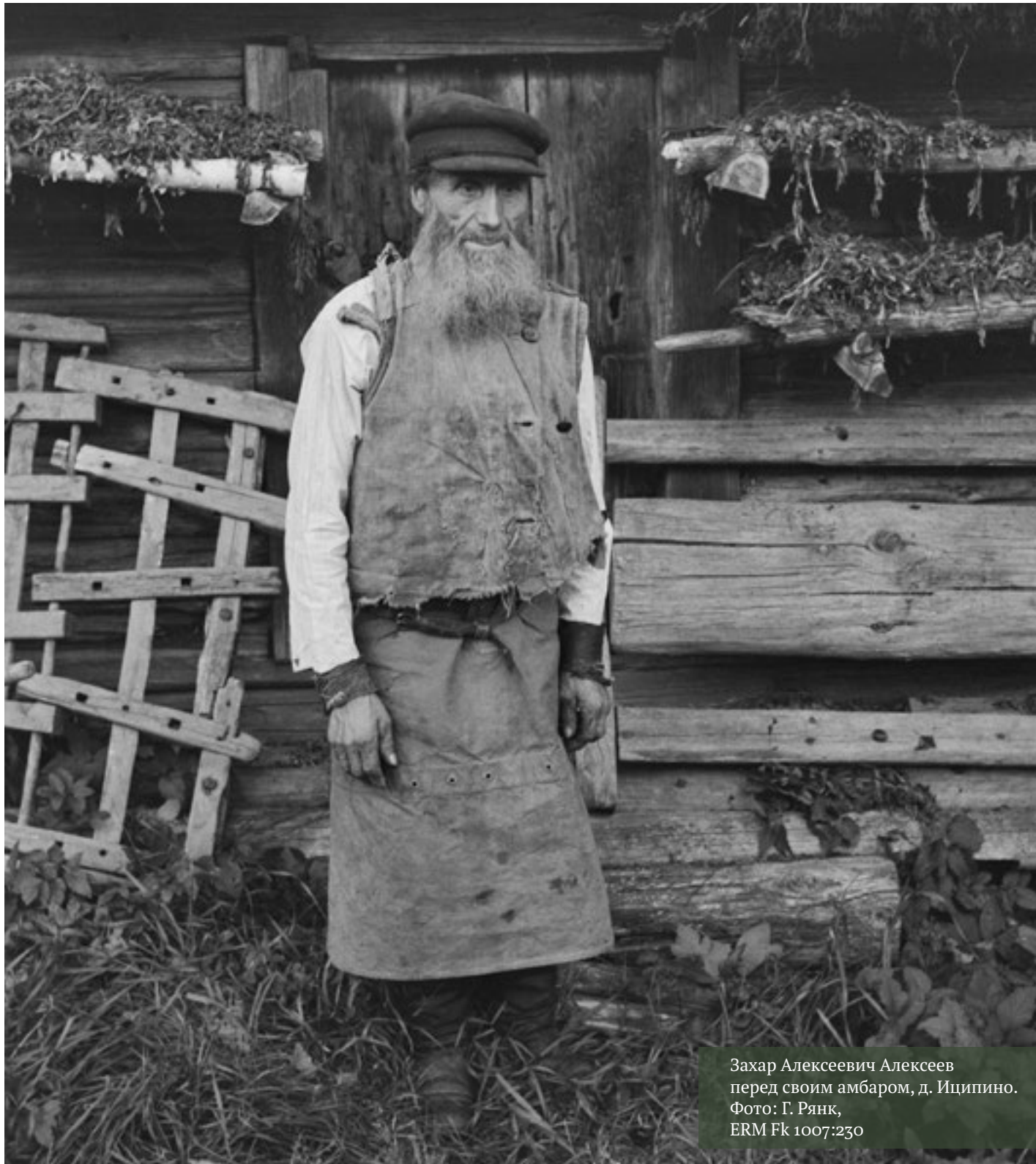
Амбары здесь чуть-чуть другие, чем в окрестностях Котлов, небольшое отличие заметно и в конструкции риги. Жилище такого же типа, как и там. Баня называется здесь *tape (tare)*.

Люди здесь, похоже, также едят «голодный» хлеб, как и в Котлах; а картофельные поля здесь побольше, чем там. Сеют рожь и убирают картошку. Говорят, кто-то готовит еще и сено.

Общее впечатление от вида: полуразбитая, запущенная деревня с характерными для русских деревень неопрятными широкими улицами, которые в дождь, наверняка, сильно раскисают. Останавливаемся на ночлег в семье Самойлова.

Деревенский мотив, Иципино.
Фото: Э. Лайд,
ERM Fk 1009:316

Захар Алексеевич Алексеев
перед своим амбаром, д. Иципино.
Фото: Г. Рянк,
ERM Fk 1007:230

Воскресенье, 6 сентября 1942 г. В Иципино.

Как обычно, утром встаем рано и после легкого завтрака, около 7 часов, находимся уже в деревне. Линнату я даю задание нарисовать план-схему жилой избы вожанина Алекс. Максимовича Андреева, сам направляюсь к людям, занимающимся сбором картофеля и обмолотом ржи.

Рядом с дорогой я нахожу пару сараев, крыша которых частично держится на столбах (*pilvepostid* – «облачные столбы»). Пока Линнат выполняет новое задание, расспрашиваю хозяина, который дает мне хороший обзор терминологии по строениям, пивоварению, а также немного сведений о земледелии и т. д. Здесь же обнаруживаю первый амбар, в котором, среди прочего, имеется множество плотничьих инструментов. В общем, люди здесь, похоже, дольше оставались на уровне частного хозяйства, ибо и в другом водском дворе я нахожу сарай с мужскими ремесленными инструментами. Своим разнообразием эти орудия труда могут вполне конкурировать с эстонскими инструментами приходов Сааре-Ляэнемаа и Авинурме. Здесь же нахожу соху, борону и молотильный каток. В деревне еще сохранилось два четырехугольных крытых двора с замкнутой планировкой, которая является более старой формой по сравнению с общеизвестным параллельным соединением дома и двора, а также соединяющихся под углом избы и двора. Второй четырехугольный двор у [Захара] Алексеева – бывшего языкового информанта Кеттунена [позднее исправлено на Сетяля]²⁶. Вечером от него же получаю хороший материал по названиям разных предметов.

26 Лаури Эйнари Кеттунен (Lauri Einari Kettunen, 1885–1963) – финский языковед, специалист по прибалтийско-финским языкам. Профессор Тартуского (1920–1925) и Хельсинкского (1929–1953) университетов, один из основателей эстонского Академического общества родного языка (Akadeemiline Emakeele Selts), принимал участие в работе разных научных обществ. Проводил исследования среди эстонцев, води, вепсов, ливов, карел и финнов (Grünthal 2006). Эмиль Нестор Сетяля (Eemil Nestor Setälä, 1864–1935) – финский языковед, политик и государственный деятель. Профессор финского языка и литературы Хельсинкского университета (1893–1929) и канцлер университета Турку (1926–1935), считается основоположником сравнительно-исторического финно-угорского языкознания. В 1888–1890 гг. совершил поездку к ливам, води и вепсам для исследования их языков и культуры. Будучи в ноябре 1917 года председателем Финского сената, фактически являлся главой провозгласившей независимость Финляндии и был одним из авторов Декларации независимости Финляндии; занимал посты министра образования и министра иностранных дел. Аристе в своем дневнике отмечает, что Захар Алексеев был информантом по языку у Сетяля (Ariste 2005 [1942]: 44). Кеттунен учился у Сетяля, но их дальнейшие научные взаимоотношения были холодными.

Понедельник, 7 сентября 1942 г. В Иципино.

Встаем рано. Приступаем с Линнатом рисовать и описывать старую жилую ригу находящейся на стадии обрусения водской семьи Васильевых. Погода ранним утром намекала на дождь, даже выпало несколько капель, но сейчас, около 9 часов, ветер все сильнее разгоняет облака. Сегодня здесь у нас последний рабочий день, ибо к вечеру хотим передвинуться в Луизино. Здешние люди живут побогаче. Уже два-три раза варили картошку. Картошка – желаемое разнообразие в нашей однообразной пище.

После 13 часов я на дежурстве. Погода снова становится пасмурной, гремит гром и идет порывистый дождь. К концу дня у парней нет никакого желания работать, но перед самым отъездом всех охватывает какой-то азарт, так что боюсь, что можем опоздать со своим стартом в Луизино. Но к часам 8 все приходит в норму, и мы все, кроме Лайда, можем маршировать в сторону Луизино. Нам повезло: дождь закончился. Дорога грязная, и ноги мокрые. По пути измеряем жертвенный камень и через час ходьбы оказываемся на месте. Уже темнеет. Огорчаемся, что попали в дикое «гнездо», но деревенский староста проводит нас в чистую теплую избу, хозяйка которой карелка²⁷. Гостеприимная женщина варит нам картошку в печи, которая как раз топилась, и предлагает к ним малосольные огурцы. Для нас приносят соломы на пол, и вскоре мы засыпаем.

27 Вероятно, ижорка. В дневнике 1942 года Аристэ тоже частенько называет представителей ижоры карелами (см., например, Ariste 2005 [1942]: 31). *Karjalain* – одно из самоназваний ижоры.

Семья Васильевых из д. Иципино.
Фото: Э. Лайд,
ERM Fk 1009:313

Вторник, 8 сентября.

Просыпаемся утром около 4 часов, ибо телега, на которой нас обещали отвезти в Котлы, должна быть в Луизино около $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ 6. Так и есть: только успели позавтракать, как прибыла повозка, на этот раз пустая, места хватит на четверых. Транспорт не так удобен, как в прошлый раз, – обычная телега с обитыми железом колесами без рессор. Поскольку утро довольно прохладное, укрываемся теплыми одеялами, и потому больше напоминаем рифийских кабил²⁸, нежели эстонских исследователей.

Наслаждаемся сверкающим от росы ранним утром Ингерманландии, показывающей свою красоту в других оттенках, нежели три дня назад в дообеденные часы. Здесь нас целый тележный караван в сопровождении пары всадников. По знакомой дороге проезжаем быстрее, чем в прошлый раз, и скоро оказываемся на привокзальной площади в Котлах. Закинув рюкзаки на спину, шагаем в комендатуру, где нам выдают пропитание и табака на следующие три дня. Здесь нам опять повезло: садимся с вещами в грузовик, который стоял во дворе комендатуры и подкинул нас до деревни Маттии. Такое чувство, что после долгого путешествия мы вернулись домой. Находим свои вещи нетронутыми, на соломе еще заметны следы постели. Скоро по инициативе Аристэ и хозяйки дома ставим варить суп в котле, и в $\frac{1}{2}$ 13 суп из шпината готов. Материал для супа в виде консервов у нас теперь с собой. В Маттии я дал сегодня [Линнату] задание нарисовать планы одного из новых домов и колхозной риги. Сам рано утром навещаю Авдотью Ануфриеву, старейшую местную вожанку, с которой я встречался уже раньше. Она рассказывает мне о разной еде. К сожалению, эта горбатая старуха должна идти собирать картошку.

Лайд остался в Иципино и должен был вернуться в Маттию после поездки по окрестным деревням сегодня утром. Ждем его к вечеру.

²⁸ Народ берберской группы, коренное население горных областей Северо-Западной Африки (севера Марокко и Алжира).

Среда, 9 сентября 1942 г.

Завершаем свои дела в окрестностях Маттии. Вместе с Тальве и Линнатом в последний раз посещая Корветино. Линнату даю задание нарисовать план избы Анны Ив. Исаевой, а также изображение избы в разрезе. Сам фотографирую, что еще стоит сфотографировать, и к обеду (к $\frac{1}{2}$ 1) возвращаемся домой. Сюда же успел вернуться и Лайд на своем велосипеде. Вместе с Тальве идем к караульной будке «Вилла Дни» (*Villa Päevad*)²⁹ поупражняться в стрельбе. Баня Морозова, истопленная по нашему заказу, к нашему возвращению готова, и мы там хорошенько паримся. Баня, учитывая деревенские условия, очень хорошая. Каменка дает хороший пар, достаточно и воды. После бани Тальве предлагает выпить.

²⁹ Эстонские солдаты находились там на сторожевом посту и считали дни до окончания дежурства (караула). Отсюда и ироничное название будки – «Вилла Дни».

Эстонская сторожевая будка «Вилла Дни» у д. Великино.
Фото: Э. Лайд, ERM Fk 1009:269

Четверг, 10 сентября 1942 г.

Утром дождливо. Около 8 часов с Линнатом и Тальве идем в Савикино, где совершаем лодочную экскурсию по Бабинскому озеру. Здесь мне удалось сделать два кадра о заборном рыболовстве³⁰. Лодка маленькая и ветхая, боимся опрокинуться при боковом ветре. Линнат на время теряет весла, но, к счастью, удается их поймать. Покупаем [у местных русских рыбаков] рыбы и просим сварить для нас ухи. Вечер проходит в подготовке к дороге: утром Аристэ поедет домой, а мы отправимся к вожанам деревни Краколье (Jõgõregä).

Пятница, 11 сентября 1942 г.

Около ½ 6 подходим к станции «Вилла Пяэвад», останавливаем поезд и едем в Усть-Лугу (эст. Lauga-Suu). Уже через час оказываемся в почти разрушенном поселке, где наша первая задача – найти комендатуру и получить дорожный паек. «Выторговываем» себе на понедельник машину на обратную дорогу в Маттию и перекусываем на траве под соснами. Рядом с нами [солдаты] тренируются в стрельбе.

После еды собираемся идти в Пески (Liivtsülä, эст. Liivaküla), но оказываемся посреди Краколье, где и останавливаемся на ночлег. Хозяин дома Иван Борисов, вожанин. Получаем спальные места на небольшом чердаке. Делаем первую ознакомительную экскурсию по деревне. Беседую с Макаром Никифоровым и его женой попеременно о строениях, земледелии, народной кухне. Довольно рано идем спать, так как в доме нет другого освещения, кроме двух свеч и нашего карманного фонаря, прогоревшего уже на три четверти.

³⁰ В дневнике Рянк использует слово *tõkkekalastus*, которое можно перевести и как заборное рыболовство, и как рыболовство с заграждениями. На экспедиционных фотографиях на Бабинском озере запечатлены самодельные снасти-морды, вбитые в воду сваи для крепления морды и сушащаяся на сваях морда (деревянный каркас, обтянутый сетью), в других местах сфотографированы также рыболовные сети и сак – сетчатый мешок на обруче, приделанный к длинному шесту. Снимков со специальными запорами, устанавливающимися через русло или ограждающими часть водоема, в его водском фотоархиве нет.

Деревенская улица,
Нижние Лужицы, 12 IX 42.
Фото: И. Тальве,
ERM Fk 1004:142

Суббота, 12 сентября 1942 г.

Рано утром все уже на ногах и готовы в путь. Делаем ознакомительную экскурсию в деревни Пески и Лужицы (Luuditsa). Беседуем с одним финном-ингерманландцем, который на гужевом транспорте отвозит нас с Тальве в Усть-Лугу. Скучный, разоренный русскими рыболовецкий порт, где из воды торчат большие морды. По возвращении делаю несколько фотографий в деревнях Пески и Лужицы и расспрашиваю пару человек. После обеда знакомлюсь с деревней Краколье, отмечаю два дома, с которых завтра надо будет сделать планы.

Воскресенье, 13 сентября 1942 г.

Сегодня, как и планировали, целый день работаем в Краколье. Даю задание нарисовать план одного дома и план-разрез другого дома. Кроме того, нахожу несколько красивых вещей (берестяной туесок, корзину из дранки, приспособления для плетения сетей, сундук), Линнат их тоже рисует. Между тем выясняется, что появились трудности с нахождением людей, которые согласны побеседовать с нами. Люди, видать из-за страха, запирают двери или уходят из дому неизвестно куда. Похоже, за день настроение людей повернулось против нас. Принимающая нас семья тоже скупа на учтивость: все надо отдельно просить (например, чайник к каждой еде). В пятницу вечером побеседовал с семейной парой Яковлевых, но сегодня это уже невозможно – их нет дома. Наконец, удалось найти старого хозяина Федотова, который разглядывает меня сомнительным взглядом и под конец спрашивает: «Кто вас послал, зачем расспрашиваете всех?» Только к концу дня удалось начать беседу с одной женщиной, но и она вскоре заспешила встречать овец.

Краколье и соседние с ней Пески и Лужицы намного больше походят на финско-эстонские, чем другие водские деревни, даже дети говорят на родном языке. Как ни странно, именно здесь, в западной части водского края, в сундуках сохранилась и народная одежда. По крайней мере, у Лайда хорошая добыча.

Понедельник, 14 сентября 1942 г.

Рано утром спешим к казармам, где нам удастся сесть на направляющийся в Маттию грузовик. Лайд едет дальше в Котлы по делам. Прибыв в Маттию, все проголодались, и так как другой еды у нас уже нет, кроме картошки и хлеба с молоком, просим приготовить нам большой котел картофельного пюре. Здесь мы собираемся решить еще кое-какие вопросы, чтобы уже завтра утром отправиться в Нарву. Сходил к Петру Боранову, он болен: простудился, когда в пятницу утром проводил Аристэ в Котлы. Все-таки удалось получить от него некоторые дополнительные сведения.

Итак, последний вечер в Маттии. Деревня стала уже совсем своей. После очередной вылазки возвращаешься сюда, как домой. Вечером организовываем себе немного более праздничный ужин: к картофельному пюре и консервам выпиваем вина. Николай Морозов дал нам к ужину малосольных огурцов. Во время ужина приходит Петр Боранов – первый вожанин, которого мы здесь встретили. Угощаем и его двумя-тремя рюмками. Мужчина меняется буквально на глазах: становится добрым, называет нас «хорошими господами», которых не сравнить с начальниками-коммунистами. Чувствуется, что большевицкая власть вселила в него дух раболепия. Идем провожать его вместе с Тальве. В избе темно, видно только, что в плите горит огонь. Приходит хозяйка Мария. Прощаемся и с ней. Говорят, что им будет скучно без нас.

Семья Борисовых из д. Иципино.
Фото: Э. Лайд, ERM Fk 1009:417

Матрена Павловна Герасимова
в старинном водском costume, с. Краколье.
Фотографии: Э. Лайд, ERM Fk 1009:382

ERM Fk 1009:381

ERM Fk 1009:401

ERM Fk 1009:400

Вторник, 15 сентября 1942 г.

В поезде, идущем по маршруту Нарва–Тапа.

Итак, мы едем домой в совершенно пустом грузовом вагоне, в котором ужасно трясет. Нам повезло: утром, в 8 часов, выехали на машине из Котлов; в Нарве сразу спросили про поезд. Оказалось, что один только что ушел, а следующий будет в 15 часов. Только стали загружать свои вещи на вокзальную тележку, как пришло срочное сообщение, что «через 10 минут отправляется поезд». Второпях сели на поезд, направляющийся в Тапу. В вагоне Линнат и Лайд находят к себе в компанию эстонца-военного и начинают играть в карты. И так в течение нескольких часов. Наконец, вечером около 19.30 прибываем в Тапу. Хотя поезд через полтора часа пойдет дальше в Таллинн, мы настолько устали и промерзли в вагоне, что решаем заночевать в Тапе и поехать в Таллинн завтра утром в 5.28. В семье Тальве нас принимают очень тепло. Нам предлагают ужин, и впервые за долгое время я ложусь спать на кушетку. Все кажется слишком теплым и мягким, что я просыпаюсь несколько раз. Вероятно, сказывается и начинающийся насморк, серьезно беспокоящий уже с утра. Вчера простудился на машине и в вагоне!

Среда, 16 сентября 1942 г.

По прибытию в Таллинн прежде всего даем себя «дезармировать», затем все направляемся к брадобрею. Получаем продовольствия еще на один день и вскоре уже сидим в тартуском поезде, который отходит из Таллинна в 11.50. Настроение хорошее – только из-за насморка досадно. Чуть раньше 20 часов прибываем на Тартуский вокзал, где нам с Лайдом удастся нанять одного полупомешанного извозчика, который отвозит наши вещи в город. На этом экспедиционная поездка завершается.

Члены экспедиции
на обратном пути в Кингисеппе.
Фото: И. Тальве, ERM Fk 1009:444

ДНЕВНИК 1943 ГОДА

Деревенский вид, Валговицы.
Фото: Г. Рянк,
ERM Fk 1049:115

В Гатчине (Красногвардейске)³¹ 6 августа 1943 г.

Наша нынешняя «Восточная экспедиция» в техническом плане оказалась сложнее и труднее, чем прошлогодняя водская поездка. Запланированная большой и продолжительной, «Восточная экспозиция» по воле обстоятельств превратилась в относительно короткую поездку к води, из состава которой еще до «старта» выпало 3 человека.

Еще в первой половине июля я прервал свою работу на родном острове [Сааремаа], чтобы приехать в Тарту и поехать на восток. Но по прибытии в Тарту выяснилось, что разрешение поехать в Гатчину еще не пришло. Сначала я ждал разрешения в Тарту. Наконец, Лайд поехал в Таллинн и остался там почти на неделю. Наконец-то он сообщил по телефону, что поездка из Тарту в Таллинн может начаться в воскресенье утром, т. е. 1 августа. Выехали с большой надеждой, но в понедельник утром в Таллинне обнаружилось два неприятных сюрприза: 1) магистр Лайд, т. е. действительный организатор экспедиции, внезапно заболел³²; 2) никакого разрешения на поездку из Гатчины в Таллинн не поступало. Еще до поездки заболел Мягистэ³³, позже из экспедиционной программы по личным обстоятельствам выпал и Аристэ³⁴.

Наконец, в среду к обеду (к часам 3) выяснилось, что нам все-таки разрешено поехать за Чудское озеро, но мы сами должны поехать в Гатчину за официальным разрешением. Дальняя поездка на поезде нас особо не завораживала, но все-таки мы поспешили «схватить» за эту соломинку».

Итак, в среду, 4 августа, в 7.20 начался наш путь в сторону Нарвы. Настроение из-за предшествовавших приключений было не самым лучшим. Уже в пути магистр Ойнас сказал, что в соседнем вагоне в Тапу

едет и магистр Юлло³⁵. Пригласили его в свой вагон для получения информации. Человек, который должен был заниматься нашими делами в Гатчине, еще более обеспокоил нас своими разговорами. По его мнению, в Гатчине нам придется провести еще 3–4 дня, прежде чем мы получим разрешение на исследовательскую работу. Мол, он сам и его заместитель Лоодла сейчас в отпуске, и там нет никого, кто был бы в курсе наших дел. Но мы были уже в пути и подбадривали себя тем, что сможем сами продвинуть свои дела у высоких начальников.

В Тапе мы получили в свое распоряжение вместительный вагон 2 класса, потому могли отдохнуть телом и душой по крайней мере лежа. Утром, довольно рано, мы были уже в Нарве. Здесь нам опять-таки предстояло долго ждать, ибо поезд в Гатчину отправлялся только в ½ 3 ночи. Ночлег получили в гостинице «Европа», где скоротали время, валяясь в постели. Вечером мы вместе с ма[истром] О[йнасом] совершили визит к госпоже Пиккоя, которая является большим энтузиастом просветительской работы среди эстонских поселенцев на Востоке. Также и ее муж, которого не было дома. Я не надеялся встретить в Нарве такую культурную, интеллигентную и насквозь эстонскую семью, как эта. В доме была хорошая библиотека, в которой в числе прочего имелись также редкие книги и предметы искусства. Были в чести и семейные традиции: хозяйка не только хранила бабушкины украшения, но также позволила их сфотографировать.

На поезд мы пошли в сопровождении сверкания молний, скоро пошел и дождь. Ко времени отправления поезда гроза и дождь прекратились, и вскоре от холодного туманного сквозняка, дующего через разбитое окно вагона, тело покрылось дрожью. Я завернулся в одеяло и попытался уснуть, но проблемы, сопутствующие поездке, не давали покоя.

Не могу точно сказать, смог ли я хоть чуточку поспать, когда в утреннем тумане заметил простое здание вокзала с вывеской «Гатчина Балт.». Перед глазами пронесся кусок довольно однообразного русского пейзажа.

³⁵ Leo (Leonid) Yllö (1915–1978) — эстонско-финский агроном ингерманландского происхождения, выпускник Тартуского университета. Во время войны служил в Эстонской полиции безопасности и Германской SD, в 1942–1943 гг. участвовал в регистрации населения на занятых немцами территориях Ингерманландии, а также в организации эвакуации ингерманландцев в Финляндию, где жил и сам после войны.

³¹ Так назывался город в 1929–1944 гг.

³² 2 августа 1943 года Эрик Лайд сбежал в Финляндию. Рянк, конечно, знал об этом, но скрыл это даже в дневнике.

³³ Юлиус Мягистэ присоединился к экспедиции чуть позже.

³⁴ П. Аристэ отказался от экспедиции в последний момент, поскольку ее участники были обязаны носить форму SS. Он симулировал болезнь почек и даже провел несколько дней в больнице, что спасло его от занесения в списки немецкой армии. Вероятно, этот эпизод спасет его в дальнейшем и от серьезных обвинений при аресте в 1945 г. (Heinsoo 1995: 62; Västriik 2005: 9).

Памятник императору Павлу в Гатчине (Красногвардейске). Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:1

Эту вокзальную вывеску, незаметно появившуюся перед глазами, окружал такой же ландшафт, только деревья вокруг были повыше. Потому я был удивлен. Гатчина, или для большевиков Красногвардейск, должен был быть красивым городом и удивлять своей импозантностью. И вдруг эта вывеска в зарослях кустарника. Бужу своего спутника О[йнаса], который уже раньше бывал в Гатчине, и спрашиваю, действительно ли надо выходить из поезда. Посомневавшись, мы все-таки выходим из вагона и скоро оказываемся на городском променаде, который, похоже, должен быть центральной улицей. По правую сторону высокие, многоэтажные военные казармы, слева – низкие частные дома. Этот контраст ярко показывает разницу между «частной жизнью» и милитаризмом в России в последнее время. Позднее знакомимся с другими достопримечательностями

Обелиск царских времен, в момент фотосъемки со свастикой, Гатчина. Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:3

города, и надо признать, что определенная величественность все-таки присуща городу. Даже бывший императорский дворец со своей колоссальностью влияет на человека «маленькой страны» подавляюще. Здание впечатляет своими огромными размерами, а не красотой и стилем: огромная скучная казарма, перед которой на постаменте элегантно позирует император Павел. В конце одной из дорог, ведущих к въезду, располагается высокий обелиск с массивной черной свастикой наверху.

Наши экспедиционные дела решаются в Гатчине быстрее, чем мы могли предположить. Находим себе прекрасного делопроизводителя лейтенанта Л., при помощи которого оформление официальных разрешений занимает всего лишь несколько часов. Всевозможные документы-разрешения в кармане, вечером, в 7.35,

начинаем обратный путь в сторону Веймара. Исходя от изменений, произошедших в составе нашей экспедиции, а также планов оудовской³⁶ группы, я вынужден сделать важные коррективы в экспедиционных планах. В данный момент обстоятельства следующие: 1) из-за сокращения состава на водские территории едут только три человека – я, Ауль и Линнат в качестве художника. Едет с нами и Ойнас, но не позднее 14 VIII он должен быть уже в Гдове (Oudova), если хочет присоединиться

36 Oudova – эстонское название расположенного на восточном берегу Чудского озера города Гдова. Весной-летом 1943 года на Восточном побережье Чудского озера работала исследовательская экспедиция („Trans-Peirus“-ekspeditsioon) Тартуского университета, в составе которой были стипендиат, историк права Ильмар Аренс (Ilmar Arens), лектор, языковед-фольклорист магистр Феликс Ойнас (Felix Johannes Oinas), профессор эстонского языка доктор Михкель Тоомсе (Mihkel Toomse), геолог Грегор Вахер (Gregor Vaher), школьный советник из Нарвы Аугуст Пиккоя (August Pikkaja) и студент-агроном, командир сопровождающей экспедицию группы обороны Яан Льюке (Jaap Lõoke). Экспедиция работала здесь с 12 марта до 18 сентября 1943 года, с перерывами с 15 по 27 апреля и с 1 июля по 18 августа (подробнее об экспедиции см. Arens 1994; Kurs 1994, 1998). Во время летнего перерыва в работе оудовской экспедиции Феликс Ойнас присоединился к ингерманландской группе.

к тамошней группе; 2) Ауль должен проработать у води до 20–21 августа; но ему одному там будет трудно справиться, так как он не знает ни местной обстановки, ни водского и ижорского языков; 3) Если я сразу же поеду в окрестности Гдова, могут возникнуть трудности с художником. Художник не позднее 29 дня сего месяца должен быть в Тарту; никак не гарантировано и то, что к этому времени мы сможем покинуть гдовскую группу: экспедиция работает там за лесами и болотами, не имея регулярной связи с внешним миром. Таким образом, в Гатчине у меня возникает ситуация, когда мне приходится единолично решить поехать только к води³⁷. Магистр Ойнас едет с нами и останется на водских землях до 13–14 дня сего месяца.

37 Так, весной 1943 года со счета, выделенного Директорией образования, Тартуский университет заплатил Г. Рянку 640 марок «для проведения исследовательских работ в Зачудье» (RA, EAA.2100.15.77, leht 6). Сведений о том, что Рянк присоединился к оудовской группе, не сохранилось. С 21 сентября по 6 октября Рянк вместе с Мягистэ работали у ливов на побережье Рижского залива, собирая этнографический и языковой материал. Полевой дневник, отчет, а также фото- и предметная коллекция ливской экспедиции хранятся в музейном архиве (ERM Ak 5.4/7, B 46, Fk 1050).

Дворец в Гатчине.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:2

Вечером, около 10.30, мы прибываем на Веймарский вокзал, где останавливаемся на ночлег в помещении эстонской сторожевой роты напротив вокзала. Перед тем как пойти спать, Ойнас, я и Ауль сходили в местный пункт снабжения поесть супа. Очень уставший, я скоро засыпаю, хотя клопы гуляют по кровати. Под утро в моей кровати появляется сосед – маг. Ойнас, вынужденный из-за клопов покинуть свою кровать.

В Котлах, 7 августа

Сегодня в 5 часов утра выехали со ст. Веймар и около 7 часов были уже в Котлах. Останавливаемся около вокзала, чтобы обсудить, как продолжить путь. Вскоре нас подбирает машина, которая подвозит нас к комендатуре. У комендатуры нам не приходится особо ждать, так как вскоре появляется пожилой господин в мундире и начинает решать наши дела. Похоже, какой-то завхоз. Он предоставляет нам на удивление приличную и без

клопов квартиру с четырьмя кроватями, в которой мы обустраиваемся и чувствуем себя как дома. Обустроившись, около обеда навещаем своих старых знакомых. Затем около ½ 5 совершаем визит к коменданту. Вечером идем в кино, а затем погружаемся в сладкий сон, которого у нас несколько ночей толком и не было.

В Котлах, воскресенье, 8 августа

Утром дождливо, до 10 часов мы приводим в порядок свои вещи. Затем втроем идем в Пумалицы и Раннолово. В этих деревнях мне делать почти нечего. Ойнас «развлекает» Соломонида [Кузьмину], прошлогодною сказительницу Аристэ, а Ауль проводит в Раннолово антропологические измерения.

Члены водской исследовательской экспедиции по дороге из Краколье в Пески: Юхан Ауль, Юлиус Мягистэ, Ильмар Линнат и секретарь-ассистентка Ауля.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:26

Старик-вожанин Фукал Сергеев
из Нижних Лужиц в старинном сером кафтане.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:38

Понедельник, 9 августа

Сегодня навестил своих прошлогодних знакомых в деревнях Маттия и Корветино. Заодно показал Ойнасу окрестность и познакомил с людьми. По сравнению с прошлым годом, люди кажутся как-то радостнее и здоровее на вид. Старик Морозов из Маттии выглядит моложе, даже усы подбрил плутовато-коротко. Матушка Ануфриева такая же горбатая, но выглядит как будто бодрее. [Петра] Боранова самого нет дома, только его хозяйка Мария. В Корветино мы навещаем [Анну] Исаеву, Ивана Морозова и Гаврилова. Последний из них отличный собеседник, но жалуется на головную боль. Вероятно, результат недоедания. Питание стало лучше настолько, что в хлеб уже не кладут траву и мох, но частенько заменяют хлеб картофельными лепешками. Внук Морозова, как и в прошлом году, пальцами протер свою тарелку дочиста. Дети здесь знают, что такое голод и насколько вкусна еда!

Новое явление в этих краях – табак. Эстонские солдаты привезли сюда семена табака, и теперь почти что каждый мужик выращивает себе материал для курева. Однако видно, что они особо не умеют им пользоваться: собирают очень рано, никто не знает и о ферментации. Сегодня Ауль делал измерения среди жителей деревни Пумалицы и завершил там свою работу. Завтра поведу его в район Маттии – Корветино, где начну и сам опросы, насколько это возможно в это страдное время.

Вторник, 10 VIII 43.

Вместе с Аулем и Линнатом были в Корветино и Маттии. Помогал Аулю делать антропологические измерения жителей этих деревень. В Корветино мы занимались этим до 7 вечера, так что только к 9 вернулись в Котлы. День для меня был весьма непродуктивным, но все же я нашел работу для художника. К слову, в Маттии Линнат зарисовал у Козлова разную старинную утварь.

Среда, 11 августа

Работал с Линнатом в деревнях Маттия и Корветино. На чердаке Иванова нашел для Линната разной утвари для рисования. В Корветино мне удалось немного побеседовать с Иваном Моисеевым и Анной Исаковой. А так, у народа страдная пора, уборка ржи, и времени

для нас остается совсем мало. Ауль пошел в Савикино делать измерения. Скоро уже сентябрь, а его все еще нет в Котлах.

Могу также констатировать, что жизнь у народа по сравнению с прошлым годом намного лучше. Зимой армия выдавала трудоспособным людям по 240, а детям и старикам по 120 граммов муки в день. Сейчас урожай хороший, и нормы [сдачи зерна], по-моему, не очень высокие. Зерна, говорят, надо сдать 250 кг с гектара. Семенного картофеля армия предлагала зимой так много, что люди даже не смогли все принять. Однако встречаются и те, кто ворчит и сравнивает нынешнюю жизнь с большевицкой. Но они, похоже, ворчуньи по жизни и успели забыть нестабильность жизни при власти большевиков. Вообще, здешний народ по сравнению с нашим душевно более подавлен, бесчувственен и, можно сказать, как бы утомлен и равнодушен. Подвергаясь неоднократным ударам на протяжении многих веков, он оставляет впечатление зверя в зоопарке, у которого больше нет моральных сил для сопротивления. Прежде всего замечаешь, как он безусловно и безоговорочно подчиняется каждому желанию, хотя видно, что это ему трудно исполнить. Совершенно растоптанный, подавленный народ в том смысле, что ему уже не подняться. О своих несчастьях, которых было достаточно и в последнюю четверть века, они рассказывают с бесчувственной жалобой, никого особо не затрагивающей. Их глаза и лица не выражают той боли и обиды, которую мы в подобных случаях привыкли замечать у своих людей. То, что отца забрали из семьи и отправили в Сибирь, что сына увезли с собой большевики, что дети остались в деревнях без родителей, – все это, похоже, их особо не трогает. Только в глазах одной старухи я заметил сегодня слезинку, когда беседовал с находящимся около нее двухлетним мальчиком, чей отец еще при его рождении уехал с русскими (был мобилизован), а мать (дочь старухи) умерла через 4 дня после рождения сына. Сам мальчик на своих толстых детских ногах, конечно, счастливейшее существо на свете, потому что у него есть бабушка. Но человек живуч. После рождения, в младенчестве, мальчик вообще не получал молока. Сосал только пережеванный хлеб. Но все же, похоже, он крепок и здоров. Много детей, растущих без отца. Бедный народ!

Четверг, 12 августа

Сегодня наша экспедиционная группа пополнилась новым членом. Появился Мягистэ. Он прервал в Вей-маре свой путь в Гатчину и приехал сюда. Оформляли его бумажки, и оказалось, что у него имеется разрешение коменданта на свободное продвижение и в этих местах. Я сходил с Линнатором в Маттию и хотел завершить там свои дела. Но из-за дождя пришлось прекратить работу еще до обеда, и насквозь промокли, около ½ 5 мы вернулись домой. Сегодня приводим в порядок свои вещи, а завтра выезжаем в Усть-Лугу, где останемся до утра вторника.

Пятница, 13 августа (до 17.VIII)

Наш путь начинается в 7.41. Утром очень рано мы уже на вокзале и надеемся, что и на место также прибудем рано. Но на одной станции поезд стоит так долго, что прибываем на место только около 12 часов. В Краколье оставляем свои вещи в одном хозяйстве и идем за провиантом в местную комендатуру. Но это тоже сложно и требует много времени, потому возвращаемся обратно только после 2. В деревне нас определили на ночлег в одном хозяйстве, спать придется на сеновале. Влажные, ветренные и холодноватые все эти три ночи нашего пребывания здесь.

Народ живет здесь довольно хорошо; в добавок к своему провианту мы получаем достаточно молока, картошки и огурцов. Стараемся не употреблять в пищу ничего сырого, ибо в деревне распространена какая-то зараза – похоже, дизентерия.

С помощью вопросников новой информации я получаю здесь мало. Зато удастся найти закоулки с разной

Ингерманландские финны провожают родных на госслужбу.
Фото: Г. Рянк,
ERM Fk 1049:71

утварью, так что Линнату и моей фотокамере есть что делать. Кроме Краколья, я делал наблюдения в Песках и особенно в Верхних Лужицах (эст. Üla-Luuzitsa), где у старика-вожанина Сергеева я попадаю в настоящее хранилище вещей. В названном хозяйстве могу, наконец, получить борону-суковатку. Там же велю Линнату нарисовать старую маслобойку, используемую сегодня для хранения льняных семян, а также козу для лущения рыбы, веятельный веер и др. В Краколье я нашел одну редкость – деревянные ручные жернова, на которых мужчина как раз молот зерно. Подобные жернова я нашел позднее и в Котлах.

Народ в Краколье более доверчив, чем в прошлом году; видимо, уже привыкли к тому, что находятся близко к фронту. Красивые эти деревни в устье реки Луга, в каждой из них свой местный говор. Все свои будничные дела народ решает на своем языке, некоторые, кажется, даже не знают русского языка. Жаль только, что русскоязычная школа и здесь продолжает свою работу по ассимиляции народа.

Обратный путь 17.VIII затягивается. Поезд со станции Усть-Луга должен был отправиться около 10 часов, но время отправления переносится на 4 часа. Да и в пути случаются неожиданные остановки, потому прибываем в Котлы только около 7 вечера. Военное время! В Усть-Луге нас развлекают местные жители, финны и вожане, прибывшие на телегах и колясках провожать своих родственников на госслужбу. Знакомлюсь со славными ингерманландскими финнами, которым есть что рассказать о бывших годах большевицкого террора. Пара молодых людей подходит с вопросом, когда их «припишут» к Финляндии. Вероятно, до них дошли слухи, что одна финская комиссия регистрирует ингерманландских финнов обратно на родину.

По возвращении в Котлы мы получаем в свое распоряжение ту же комнату, которая была у нас до этого.

Профессор Юлиус Мягистэ записывает языковой материал у жителей Ингерманландии на станции в Усть-Луге.
Фото: Г. Рянк,
ERM Fk 1049:74

20 августа (пятница)

Позавчера проводили одного члена экспедиции в Тарту; доктор Ауль завершил здесь свою работу и через Нарву поехал обратно. Оставшись втроем, мы продолжили свою работу в окрестностях Котлов. Мягистэ нашел себе хорошего языкового информанта – какая-то мадам Григорьева из т. н. «малого конца» (Peenots) Котлов. Действительно, удивительно толковая женщина. Порой я и сам расспрашивал ее, но для этнографа она как информант слишком молодая. Вчера все втроем совершили одну из самых дальних поездок, а именно в деревни Малое и Большое Рудилово (Väike-Rudja, Suur-Rudja).

Эту поездку я предпринял прежде всего для того, чтоб познакомить Мягистэ с хорошим знатоком водского языка – матушкой Марковой из Большого Рудилово, которая дала мне хорошую информацию в прошлом году. Эта женщина, которой более 80 лет, за год резко постарела и сдала, что я ее даже не узнал. У бабки больные глаза (видимо, трахома), вспоминая слова, ее подбородок начинает беспомощно дрожать. Получил от нее дополнительной полезной информации. Похоже, я так утомил эту старую женщину, что для Мягистэ она уже не смогла особо что-то рассказать. Особенно большой новостью для меня стало ее описание того, как раньше приносили из леса ульи-колоды. Малое Рудилово сгорело почти полностью, Большое Рудилово – частично, но довольно грязное и потрепанное место. Люди успели построить для себя новые бревенчатые избенки, но своей невзрачностью они почти не отличаются от старых домов. Кругом видны разрушенные и брошенные строения. Большой контраст с средневодскими деревнями и Кракольем.

В Большом Рудилово, кстати, живет эстонский переселенец Тийвас со своей семьей. Под окнами их избушки мы оказываемся в тот момент, когда хозяйка замешивает в ушате тесто для хлеба (это здесь является обычным делом). Женщина удивительно грязна и неряшлива, то же самое и в самой избе. В проеме открытого окна кружится стая мух. Позже я заметил необычное количество мух и в других домах ингерманландских эстонцев. Характерно, однако, что эти «птицы» почти полностью отсутствуют в водских избах. С чем связана такая разница, сказать сложно. Судя по всему, эстонцы чаще держат свои двери и окна открытыми,

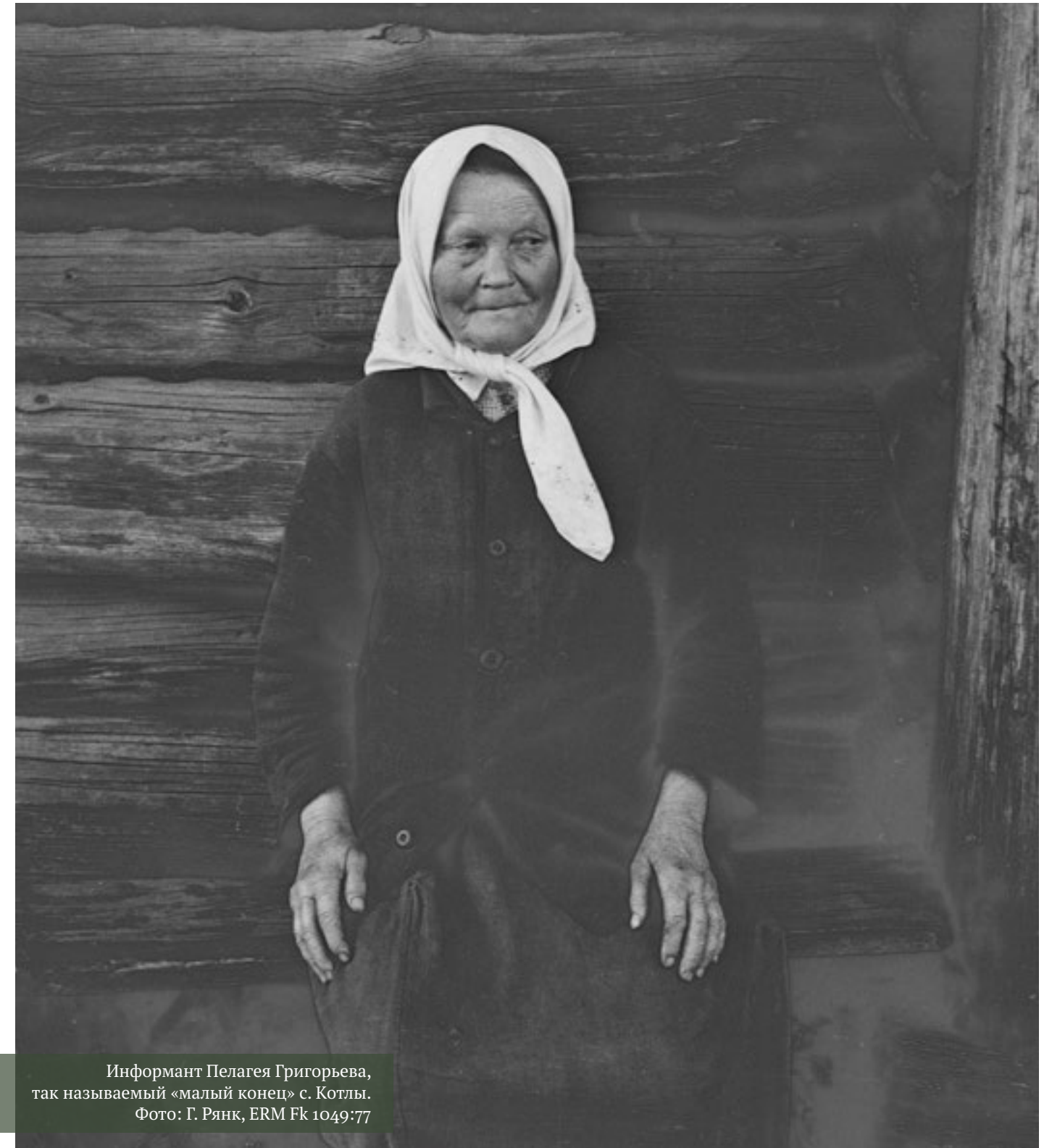
и у них валяется больше пищевых отходов. Говорят, мухи в избу залетают, поскольку рядом хлев. Однако едва ли найдутся еще дома, где хлев так близко примыкает к дому, как у вожан (и других жителей Ингерманландии).

Сегодня я съездил на велосипеде в самую дальнюю в районе Котлов деревню Пиллово (Pihlaala), чтоб узнать, есть ли там что интересного для лингвиста и этнографа. Полнейшее разочарование: сама деревня – типичная разрушающаяся колхозная деревня, и водский язык там почти что мертв. Меня, конечно, свели с одним стариком старше 80 лет, с Тимофеем Тимофеевым, который должен был знать водский язык, но даже мой водский был значительно лучше его водского языка. Водских слов удалось выманить от него лишь столько, сколько я сам ему продиктовал. Я не стал с ним долго говорить, ибо его сведения были не совсем точные. Сам объект – весьма интересный образец того, как отдельный народ умирает вместе со своим языком; и не позднее чем через пару десятков лет то же самое можно будет наблюдать в Котлах, в средне-водских деревнях Маттии, Корветино. Этот старик со своим языком подобен гаснущему угольку, который слегка лишь тлеет, если на него подуть. Если перестать дуть, уголь снова становится черным, тут же покрываясь пеплом.

Когда-то славный водский народ – достойный союзник Новгорода – в целом похож на тлеющий уголь, который можно на миг разжечь лишь с помощью дуновения. Он уже никогда не будет гореть и тлеть самостоятельно, не возродится к жизни.

Прося людей говорить на этом угасающем языке, всегда возникает вопрос: почему одни народы умирают, а другие оказываются жизнеспособными? На этот вопрос нет однозначного ответа. Что касается наших родственных народов, то, вероятно, дело в их меньшей активности и малой темпераментности по сравнению с соседями, славянами.

Высокая плодovitость и в целом жизненное превосходство помогли славянам превзойти других; в этом же направлении делала свою работу и церковь, и вот мы оказались перед фактом, что славянство, как буйная крапива, душист все другие растения. Было бы славянство историческим понятием или отголоском отдаленных фактов, мы бы непременно нашли лекарство, чтобы стереть его следы. Но, к сожалению, для нас это насущная проблема, особенно для малочисленных народов

Информант Пелагея Григорьева, так называемый «малый конец» с. Котлы.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:77

Восточной Европы. Славянство берет нас не сочувствием, не высокой культурой и интеллектуальным превосходством, а своим зловонным расширением. Это наиболее четко чувствуется здесь, в Ингерманландии, в зоне соприкосновения Запада и Востока. Земля эта на протяжении веков была полем битвы между Западом и Востоком, причем Востоку всегда удавалось последовательно надвигаться. Все зависит от нынешней войны, победит окончательно Восток или Запад. Если произойдет первое, то мы, другие древние прибалтийские народы, быстро разделим судьбу води. Тогда нашему языку уже не будет суждено умереть так же мирно, как водскому, а жизнь его будет разрублена как лезвием косы. Но хочется верить, что в середине XX века мир уже не должен испытать на себе новой азиатской волны, тонуть в крови и гнить в культурном плане. Хочется верить, что есть высший Гений, правящий народами, который однажды остановит и варварство Востока. Не только остановит, но и задушит окончательно.

Славянин не европеец – он дикий скот Востока, который живет и властвует в серых, невыразительных деревенских лачугах, каковые я сегодня видел своими глазами.

Воскресенье, 22 августа

Вчера я снова после некоторого перерыва побывал в Маттии, где попросил Линната дорисовать некоторые виды. Подвернулся случай сфотографировать сцены на гумне, Линнат сделал рисунки обмолота ржи. Впервые брали с собой и Мягистэ, но из-за большой занятости местных людей ему мало что удалось собрать.

Понедельник, 23 августа

Сегодня совершили одну из самых дальних поездок. Мы с Линнатом поехали в деревню Валговицы; Мягистэ, который ехал на той же машине, остался в Великино. Пару дней назад я был в Великино и поговорил там с парой стариков, которые понимали водский язык. Мягистэ решил задержаться у них подольше. В Валговицах я поставил себе задачу изучить плотничье ремесло. На всей территории води на вопрос о происхождении их посуды все всегда отвечают, что их деревянная посуда сделана в Великино³⁸.

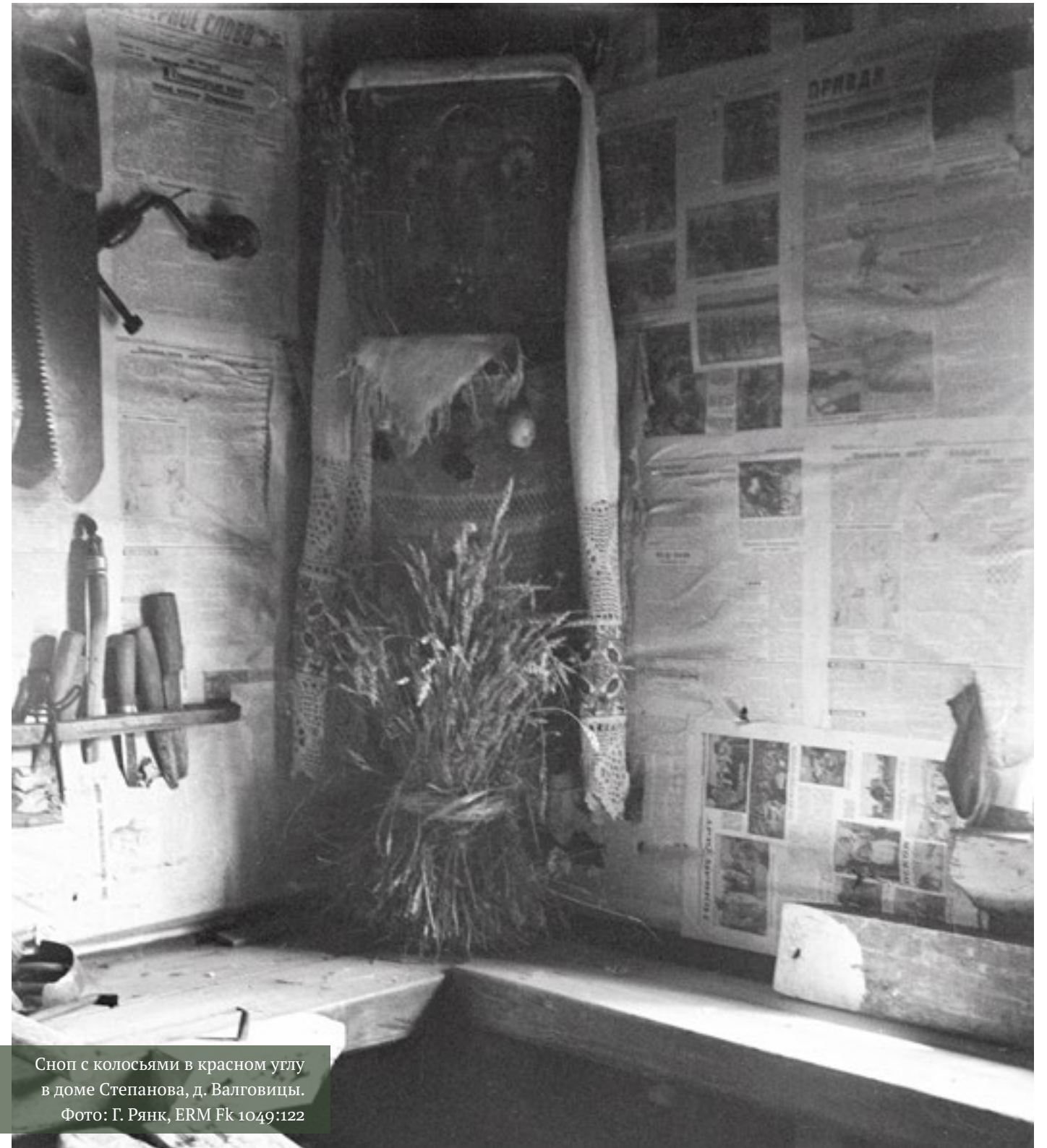
38 Вероятно, здесь у автора описка – далее речь идет о Валговицах.

Потому меня особенно интересовало, что представляет собой этот плотничный центр. В мыслях я сравнивал его с Авинурме и Тудулинна, с которыми ознакомился несколько лет назад. Во-вторых, меня интересовал вопрос: Валговицы – чисто русская деревня, или там есть и водь или какие-либо указания на нее?

Красный угол *jumatlanurka* в доме Николая Степанова, д. Валговицы.

Рисунок: И. Линнат, ERM EJ 163:7

Сноп с колосьями в красном углу в доме Степанова, д. Валговицы.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:122

Мастер по изготовлению самопрялок
Сергей Козлов из д. Валговицы.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:119

Знакомясь с бондарями и тележных дел мастерами, выяснилось, что по своему техническому оснащению они отстают от ремесленников Авинурме и Тудулина. Орудия труда наших мастеров более усовершенствованные. Негативный результат – тоже результат. Теперь можно быть уверенным, что плотничье ремесло в нашем Авинурме возникло не под влиянием востока. В этнографическом плане обе деревни [Великино, Валговицы] представляют мало что интересного. Большевицкое время уничтожило память о древней культуре здешних мест. Единственное, что можно еще заметить повсюду, это кадка *šōpaušatti* с выжженным орнаментом в виде кругов. Вероятно, Валговицы были центром их изготовления. Так же и с языком: в Великино можно еще найти отдельных стариков, которые с большим упрямством готовы произнести хотя бы несколько слов на своем родном языке. Но и это с трудом. Если хочешь узнать название даже простейшего предмета, надо ждать, когда собеседник вспомнит его. Но частенько ты сам должен напоминать им старые названия. Такая запись под подсказку – это уже не исследование. Нет уверенности.

В Валговицах никто не знает других языков, кроме русского. Все заверяют, что еще со времен их дедов-прадедов здесь жили русские. Однако моя карта показывает, что во времена Кёппена³⁹ здесь была водь. Да и одна бабка из ижорской деревни утверждала, что раньше и в этой деревне говорили по-водски. Удивляет и то, что местные «русские» называют некоторые вещи чисто водскими (ижорскими) словами. В их число входят *radka* (эст. *kark*, *kaarik*; рус. одноколка), *vankur* (эст. *vanker*; рус. телега, повозка); *kalika* (эст. *kaalikas*, рус. брюква) и др. Не хочется верить, что коренные русские заимствовали эти слова. Скорее всего, это останки местного нерусского языка.

Даже антропологический тип жителей не русский, скорее водский-ижорский. Обычно у русских всегда какое-то слащаво-сердитое выражение лица, которое и выдает этот народ. Здесь этого не наблюдается.

39 Кёппен Петр Иванович (Peter von Koeppen (Körpen), 1793–1864) – русский ученый немецкого происхождения, автор трудов по истории, географии, демографии и статистике, основоположник этнографического картографирования в России. Вероятно, речь идет об этнографической карте Санкт-Петербургской губернии, на которую были нанесены этнические границы семи народностей – согласно легенде карты – Woten/водь, Ingriet/ингры, Äürämöiset/эвремейсет, Sawakot/савакот, Esten/эсты, Kareljer/карелы, Deutsche/немцы. (Коеппен 1849, о Кеппене и его картах см., например: Красникова 2011: 41–46).

По своим же рассказам, местные люди (конечно, пожилые) – ярые противники большевизма. С позиции крестьянина это то же самое, что противник колхоза. Большевизм привлекал к себе крестьян именно через колхозы, с помощью колхоза, и это в любом случае не было добровольным.

Наш мастер по изготовлению самопрялок рассказывает, как он противился вступлению в колхоз. Наконец, давление стало настолько сильным, что ему пришлось отчитаться о своем отношении к колхозу в Кингисеппском НКВД. Спросили: «Почему не вступаешь в колхоз?». Ответ: «А почему Вы не идете в колхоз?». Офицер НКВД был удивлен таким вопросом в ответ, но все же ответил, что у него другая должность. Наш красноречивый мастер не остался в долгу и сказал: «И у меня другая должность – плотник. Дайте мне десяток людей, и я за несколько лет построю вам второй такой же город как Кингисепп». Его ответ подействовал, и мужику дали место плотника в городе, где он проработал 9 лет, пока не началось отступление русских. Так рассказывают эти мужики, и у каждого была своя драма.

Вторник, 24 авг.

Сегодня, наконец, прибыли в Ундово (вод. Iltonõd, эст. Undova). Жаль, что этот населенный пункт мы оставили на последний день экспедиции, так как Ундово – одна из красивейших и наиболее цельных водских деревень. Водский язык в деревне уже исчезает – похоже, хороших знатоков языка, как в Маттии и Корветино, здесь уже нет, хотя из рассказов сельчан выясняется, что русскоязычные из коренных жителей – это в основном женщины, вышедшие сюда замуж. В этнографическом плане деревня не предлагает ничего нового, зато общий вид деревни «этнографичнее», чем где-либо случалось наблюдать. О том, что деревня представляет собой особый организм, свидетельствует хотя

бы институт деревенского пастушества. Деревенских пастухов можно найти и в других деревнях, но здесь мне удалось понаблюдать за работой пастуха подробнее. Мы оказались в деревне в тот момент, когда стадо погнали на пастбище после обеденного перерыва. Пастух – взрослый мужчина – быстрым шагом обходит деревню с одного конца до другого. Время от времени он останавливается, принимает величавую позу и трубит в традиционную пастушью трубу из бересты.

После этого ворота дворов одна за другой открываются, и коровы тут же высовывают головы, чтобы лениво пройти по улице. После пастушьего обхода все домашнее стадо на улице. Все это происходит с предельной точностью и показывает, что старое деревенское общество обладало чувством дисциплины.

На конной повозке в сторону Валговиц.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:108

За главным пастухом следует помощник со своим стадом – паренек, отличительным знаком которого является длиннейший хлыст с короткой пестрой рукоятью. Его «королевство» состоит в основном из коз и нескольких овец. Помощник идет со своим стадом отдельно в лес.

Новую информацию я нахожу здесь только из области рыболовства. Рядом с деревней извивается река, где ловят рыбу с помощью небольших ловушек. Здесь впервые на водских землях я увидел ловушку типа курицы (криги) и характерный для востока сак.

Одна женщина, которая знала также эстонский, поведала кое-что новое о местном празднике в честь нового урожая.

Для художника здесь тоже есть работа, жаль, что не приехали сюда раньше.

Жатва на деревенском поле в Ундово:
установка верхнего снопа на верхушку копны.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:138

Среда, 25 VIII 43 г.

Сегодня день отъезда. Собираем свои экспедиционные вещи и приводим в порядок бумаги. В 11.41 должен быть поезд из Котлов в Веймар, однако он немного задерживается. На вокзале нас провожает последний член экспедиции – Мягистэ. Так как мы едем в Тарту через Гдов, то остаемся в Веймаре ждать утреннего поезда на Гдов, который отходит рано и возвращается обратно в 5 часов. В Веймаре останавливаемся у местной эстонской сторожевой роты.

Деревенский пастух с хлыстом, д. Валговицы.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:109

Вид на д. Ундово,
на переднем плане мост.
Фото: Г. Рянк,
ERM Fk 1049:129

Четверг, 26 VIII 43 г.

Ночь провожу в канцелярии на одной из свободных кроватей, Линнат – где-то в казарме. Перед сном парни играют в карты и курят, так что вся комната наполняется дымом. Воздух весьма тяжелый, но скоро я все-таки засыпаю. Утром, в 4 часа, все уже на ногах, чтобы успеть на поезд. Поезд идет по неизвестному нам пути, поэтому мы часто смотрим из окна, чтобы получить новые впечатления. Пейзаж в основном лесистый, а земля низменная и ровная. Не осталось и следа от многообразия природы Ингерманландии. Эстонские парни, едушие на место службы в качестве железнодорожных охранников, объясняют нам, что в лесах много лосей и медведей. Наши парни находятся здесь, как настоящие поселенцы окраин, ходят «в народ» только за пропитанием. В данный момент они – настоящий пограничный пост на границе с Востоком. Все остальное – маловажно. До тех пор, пока эти парни стоят на этих постах, мы можем спокойно жить в своих домах. Вспоминается отрывок из популярной финской песни:

*Будь беззаботным,
Парни на страже!*

Чем дальше поезд в сторону Гдова, тем больше населенных пунктов вдоль железной дороги. Изредка за окном мелькают весьма порядочные деревни. Проезжаем промышленный центр недалеко от станции Сланцы, по характерным постройкам которого можно предположить, что это какое-то масляное производство. Но все-таки доминирует лес. Да, много еще на Руси незаселенных земель. Так это было в Ингерманландии, так и здесь. Поселения – как точки на огромном диком ландшафте. Способен ли вообще русский человек занять их под хлебные поля!? Места здесь много, но время от времени он все-таки лезет к другим, на запад, где заселение плотнее, и земли уже издавна возделываются. Не понять славян!

Вскоре мы оказываемся в окрестностях Гдова. Характерно, что по мере приближения к городу поселения становятся серее и растрепаннее. Но город сам похож на город больше, чем я предполагал. Такое впечатление создают несколько белых домов и пара башен. Своими прямыми широкими улицами он изнутри напоминает Балтиски⁴⁰. Во время войны полгорода сгорело.

⁴⁰ Так до 1933 года назывался город Палдиски.

Останавливаемся на ночлег у одного знакомого военнослужащего из Гатчины. Днем занимаемся своими делами, а вечером заблаговременно идем на пароход, где получаем удобные спальные места. Поездкой на пароходе из Гдова в Тарту завершается наша водская экспедиция этого года. Из исследований Зачудья ничего не выходит, ибо группа еще 16-го отправилась туда, но никаких вестей от нее пока нет, как сообщает гатчинский товарищ по оружию Л.

В пятницу, 27 VIII 43 г.

Наш путь из Гдова в Тарту спокоен и приятен. Без шторма и дождя. Красивая погода уже с утра зовет на палубу. Когда я полностью отхожу ото сна, мы уже приближаемся к Калласте (Kallaste). Мимо проплывают уже знакомые береговые контуры и встречные лодки – так же, как мне представилось наблюдать при исследованиях в Причудье в 1928–30 годы.

Когда смотришь на побережье, то намеренно начинаешь сравнивать. Здесь также видны леса и холмы, но между ними повсюду желтеют поля. Но природа здесь не такая пышная и сочная, как в Ингерманландии. Все как будто уменьшено в размерах, как бы специально создано для одного маленького народа. Бескрайние просторы российских полей и лугов уже не достигают нашей земли.

Проехали Праагу (Praaga)⁴¹; сейчас 10 часов, своим маленьким «Нептуном» мы «меряем» извилины реки Емайыги. С каждым ударом корабельного винта Восток остается все дальше и дальше за спиной, и скоро взор начинает ловить очертания зажиточных эстонских хуторов.

⁴¹ Деревня в устье реки Эмайыги на берегу Чудского озера.

Профессор Юлиус Мягистэ за беседой с женщиной-вожанкой во время уборки ржи.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1049:131

6970

E. R. Muuseumi
Fotokogu
Nr. 1049:70.
205349

Ingeri rahvast l'ist. Luuga jaamas
eihtamas (isurlasi, vadjalasi, sormlasi)

Copyright
Kirjastuslike alusõigused
võetak. Eesti Rahva Muuseumist
Tartu-Estonia

Foto ☐ ☐
1943.

Фото Рянка из музейного архива (на обратной стороне снимка имя автора заклеено)
На обороте фото надпись: Ингерманландцы (ижора, водь, финны) перекусывают на станции в Усть-Луге.
Фото: ***, 1943. ERM Fk 1049:70

Полевые тетради 1943 и 1942 гг.

НАЧАЛЬНИКУ ЭСТОНСКОЙ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ, ТАЛЛИНН.

Отчет об экспедиции в Ингерманландию

Организованную в этом году исследовательскую поездку в Ингерманландию, в основном в водские поселения, следует рассматривать как продолжение начатой в прошлом году этнографо-лингвистической исследовательской работы. Поскольку состав экспедиции несколько отличался от прошлогоднего, то и в исследовательских направлениях произошли некоторые изменения. Так, в этом году не производилось систематической записи фольклорных материалов, а вместо прошлогодних трех этнографов в этом году работал только один. Зато в план работ нынешнего года были включены антропологические измерения.

Личный состав экспедиции в нынешнем году был следующий: проф. Г. Рянк, этнография; проф. Ю. Ауль, антропология; проф. Ю. Мягистэ и маг. Ф. Ойнас, язык; и, наконец, И. Линнат, работы по рисованию. Все названные члены экспедиции, кроме проф. Мягистэ, выехали из Тарту 1 августа. После технической подготовки дальше из Таллинна смогли поехать 4 августа. В Нарву прибыли 5 августа и в Гатчину, где получили разрешения на работу и передвижение, 6 августа. 7 августа прибыли на временный базовый пункт в село Котлы, где нас взяли на квартиру и довольствие в местной комендатуре (нем. *Bereichkommandatuur*). Из Котлов мы совершали свои вылазки, по большей части пешие, в окрестные деревни. Только 13–17 августа наш исследовательский центр был в Усть-Луге, в деревне Краколье, откуда совершались выходы в деревни Пески и Лужицы.

10 августа из нашей группы отбыл маг. Ойнас, чтобы поехать в Гатчину, где ему следовало присоединиться к другой исследовательской группе и где он работал уже раньше. 12 августа к нам прибыл проф. Мягистэ, который не мог появиться на месте раньше из-за болезни. Проф. Ауль завершил свою работу 18 августа и уехал обратно в Тарту. Нижеподписавшийся вместе с художником завершили свою работу 24 августа и начали обратный путь через Веймар и Гдов 25 августа. После небольшой остановки в Тарту 30 августа я прибыл в Таллинн. Дольше всех оставался на месте работы проф. Мягистэ, завершивший свою поездку 3 сентября.

Из результатов работы следует отметить прежде всего следующее: в области этнографии удалось проверить и дополнить материалы прошлогодней работы в дд. Котлы, Пумалицы, Раннолово, Маттия, Корветино, Краколье, Пески и Лужицы. Впервые были сделаны исследования в дд. Ундово, Рудилово, Пиллово, Великино и Валговицы. В названных деревнях сделано более 100 стр. записей, 150 фотографий и ок. 60 рисунков.

Языковедом проф. Мягистэ собрано диалектологического материала от более 50 вожан из разных мест, кроме того, лексического материала примерно на 2300 карточках. Вместе с тем были объяснены диалектные различия между разными группами деревень. Короткий срок работы маг. Ойнаса ушел в основном на поиск подходящих информантов и запись диалектологических текстов. Диалектологические тексты содержат также много информации по фольклору и этнографии. Вылазки лингвистов охватывают в основном те же деревни, где проводились этнографические исследования.

Проф. Ауль провел антропологические измерения в селе Котлы и деревнях Маттия, Корветино, Савикино, Пумалицы, Раннолово, Краколье, Лужицы и Пески. Сделаны измерения 363 взрослых (20–45 лет) и 100 несовершеннолетних (15–19 лет). В числе взрослых было 79 мужчин и 274 женщины. Из них по национальности 169 вожан, 76 ижорцев и 108 «русских»⁴². От каждого индивида взято 26 мерок, причем основной акцент был сделан на данных, характеризующих расовую принадлежность. Показатели физических характеристик (окружность грудной клетки, объем легких, сила ручного хвата) указаны лишь частично. Сделано 94 фотографий измеренных индивидов.

Заканчивая свой короткий отчет, считаю должным выразить благодарность от имени всей экспедиции начальнику Эстонской полиции безопасности, благодаря любезности, распоряжению и защите которого мы имели возможность мирно выполнять свою работу в продолжающейся военной обстановке.

В Тарту, 19.09.43
Густав Рянк

ERM Ak 5.4/8

⁴² По данным самого Ауля, им было измерено 330 человек 19–45 лет (77 мужчин и 253 женщины), в их числе 142 представителя води, 87 ижоры и 101 русских. Главным недостатком антропологических измерений он называет малое количество мужчин, что было обусловлено военным временем (Aul 1964: 120).

ЭСТОНСКИЕ УЧЕНЫЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ У ВОДИ⁴³

Написано профессором доктором Густавом Рянком

Легкое ощущение романтики приключений появляется внутри, когда колеса поезда перекатываются через эстонскую границу в Ингерманландию, где мы собираемся искать следы еще существующей воды. Задача довольно неопределенная, ибо никто из нас не имеет точного представления о том, сколько еще осталось настоящих вожан, и в какой степени сохранилось культурное наследие этого древнего племени. Мы имеем некоторые статистические данные о населении Ингерманландии с самыми последними сводками, по которым представителей воды насчитывается от 400 до 500, но мы не знаем, по каким критериям были получены эти числа. Был ли решающим фактором язык или просто семейная традиция? Снова и снова вспоминаются предсказания, сделанные еще за годы до Первой мировой войны, что через несколько десятилетий о воде останется только память. Да и наше представление о водской народной культуре основано лишь на литературе, к тому же и этой литературной мудрости о воде очень мало: водь, вожане – этнографически наименее изученный народ среди финно-угорских племен, не считая еще один из восточных прибалтийско-финских народов – вепсов. Однако водь – одно из самых близких нам родственных племен: Котлы, основной центр их расселения, находится не более чем в 30 километрах от границы с Эстонией.

43 Серия заметок, опубликованных в декабре 1942 года в газете *Eesti sõna* (Ränk 1942).

ВОСТОЧНЫЙ ВРАГ ИСТРЕБИЛ НАШ БЛИЖАЙШИЙ РОДСТВЕННЫЙ НАРОД ВОДЬ. В этом слове [водь] содержится частичка древней романтики, ибо величие водского народа приходится если не на древнейшие времена, то на первые века нашей истории. Позднее этот народ был вынужден принимать один за другим удары с востока, страдать от военных грабежей, натиска чужеземцев, принудительных переселений, голода и других невзгод, пока от води не осталась дюжина деревень, часть которых обрусела, как мы знаем. Водь являются основным народом Ингерманландии. Вожане, вероятно, тот же народ, который упоминается в летописи Нестора как чудь. Следовательно, и они могли участвовать в основании Русского государства в конце IX века. Этноним водь впервые упоминается в изданном при великом князе Ярославле своде законов русского права, в котором среди других земель упоминаются и водские. Народ в этом краю должен был быть сильным и предприимчивым, ибо еще в том же веке, в 1069 году, князь Всеслав Полоцкий призвал вожан себе в помощники против Новгорода: в этом походе князь потерпел поражение, что стало поражением и для води. И в последующие столетия имя води часто фигурирует на страницах исторических летописей, повествующих в основном о страданиях и потерях этого народа под давлением соседей. Так, русские летописцы пишут, что в 1150 году на водь напали 1000 «еми» (предки народа хяме)⁴⁴ и 500 новгородцев, которые якобы уничтожили водь до «последнего человека». Войнам сопутствовал голод. Так, в 1215 году на водских землях случился небывалый доселе неурожай, приведший к голоду, заставившему людей есть мох, сосновую кору и листья деревьев. Трупов было так много, «что даже собаки уже не могли их есть». О былой роли вожан в числе других народов говорит хотя бы и тот факт, что одна из пяти Новгородских земель называлась «вотской пятиной», а еще в XVI–XVII веках одна из новгородских улиц называлась «вотской улицей». В XII–XIII веках имя вожан достигло и Рима, фигурируя не менее двух раз в папских буллах. Так, римский папа Григорий IX запрещает Швеции давать оружие «вотским язычникам» (*pagani watlandie*), ибо те могут использовать их против христиан. Водские земли очень рано оказываются на

⁴⁴ *Хяме* – финское племя, упоминаемое в начальной русской летописи без точного указания местожительства; в средние века новгородцы называли *хяме/емью/ямью/тавастами* некоторые северные народности, вероятно, проживавшие в Фенноскандии. Предки западных финнов.

пути политических и военных бурь; эти земли пытались попеременно занять Новгород и Москва, Литва, Немецкий орден и Швеция; наконец, согласно Столбовскому миру (1617 г.), земля осталась за Швецией. Шведская власть, однако, продержалась только год, ибо в результате судьбоносной Северной войны Ингерманландия и заодно с ней вожане снова оказались под властью России. Все эти войны, частая смена властителей и религии наложили глубокий отпечаток на население этих земель. В результате войн и смены правителей многие вожане оказались за границами своих исконных земель. Орденский магистр Оверберг⁴⁵, взявший вожан в плен в ходе своих военных походов (1444–1445 гг.), переселил их в Южную Латвию, где они стали известны как кривины. После Столбовского мира часть води, недовольная новыми господами и новой религией, снова переселилась в Россию.

Наличие свободных земель позволило многим финнам переселиться на территорию Ингерманландии. После Северной войны, когда здесь утвердилась русская власть, снова началась колонизация земли русскими, а вместе с ней и политика русификации. Так, водь на протяжении веков находилась как бы между двумя жерновами, становясь все меньше и меньше. Это похоже на роковую неизбежность, что Ингерманландия имела такую сложную и пеструю судьбу до последнего времени, так сказать, до наших дней. В «медовый месяц» великой русской революции 1917 года Ингерманландия со своими народами лелеяла надежду на освобождение от гнета великой России, но эти надежды исчезли, как и у многих других малых народов России. Анархия, следовавшая за Октябрьской революцией, оказала сильное влияние на Ингерманландию, расположенную между очагами революции Петроградом и Кронштадтом. Разграбление личного имущества, принудительная мобилизация в армию, угрозы расстрела и сожжения, массовые заключения в тюрьму невинных людей – все это досаждало людям и заставляло их искать помощи извне. Мы видим, как в начале 1919 года народ Ингерманландии присоединился к нашей освободительной войне, формируя свой батальон, а позже и полк. В составе этого национального полка против большевиков воевали и многие вожане. Позднее, когда надежды на освобождение Ингерманландии рухнули, началось новое,

⁴⁵ Генрих Финке фон Оверберг (*Heinrich Vincke von Overberg*) – магистр Тевтонского ордена в Ливонии в 1438–1450 гг.

всем известное рабство этого народа под игом большевиков. Лишь прошлой осенью Ингерманландия избавилась от этого ига, опять-таки в суматохе тяжелых боев. Таким образом, жизнь этого народа исторически представляла собой череду постоянных страданий и преследований, и потому кажется чудом, что сегодня в Ингерманландии остались еще сотни людей, считающих себя потомками древней води.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОДСКИЕ ТЕРРИТОРИИ. Территория, которую мы сегодня можем назвать Водской землей, располагается в северо-западной части Ингерманландии, в основном на территории бывшего Ямбургского уезда, но севернее одноименного города Кингисеппа. Западная группа деревень (Краколье, Пески и Лужицы) расположена на южном берегу Лужского залива, к востоку от устья реки Луги. Земля здесь низменная, ровная, заболоченная, и потому мало что интересного предлагает для глаза. Исторический центр Води расположен примерно в 30 км к востоку от названных населенных пунктов, в районе Савикино, Маттии, Корветино, Котлов и других деревень. Ландшафт здесь удивительно разнообразный и красивый. На западе границей этой группы деревень являются два продолговатых озера – Бабинское и Глубокое (*Süväjärvi*) – и несколько рек и притоков, извиляющихся между лесами и полями. Ландшафт разрезан глубокими и широкими древними долинами, между которыми вздымаются высокие, частенько довольно крутые, купола холмов. Эти возвышенности человек издревле облюбовал для своего местожительства, потому и в настоящее время мы видим, что деревни расположены исключительно на высоких холмах. В ясное августовское утро, например, с возвышенности Котлов за синевой лесов можно было рассмотреть (финско-ижорскую) деревню Караваево со всеми ее хуторами, хотя расстояние между ними около шести километров. Такой же пейзаж встречается и в окрестностях восточных водских деревень, где водский язык более-менее сохранился еще только в деревне Иципино. За деревней лежит ровная долина шириной около восьми километров, с другой стороны которой находится могучая возвышенность с руинами исторической крепости Копорье. В ложбине опять леса и леса.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ВОЖАНАМИ. Это происходит в одно августовское утро, когда, наконец, поезд с протяжным свистом прибывает на железнодорожный вокзал в Котлах. Все настороже и с волнением ждем, кто же тот первый вожанин, которого мы встретим здесь, на древней Водской земле. Ожидать этой встречи пришлось недолго, ибо извозчик, который должен отвезти нас из ложбины на гору, оказался самым что ни на есть настоящим вожанином. Загружаем свои чемоданы и вещи на маленькую телегу, на которой сооружена плоская рама для кладки. Нашу ношу тянет маленькая лошадка, предки которой, вероятно, были родственниками предков нашей эстонской породы. Рядом с телегой ступает полненький, лохматый, слегка обросший мужчина, который на наше приветствие ответил по-эстонски, а теперь углубился в оживленную беседу с нашим «доктором языков», разумеется, на водском языке. Хотя водь веками жили в тесном соседстве с русскими и в их языке появилось много русских заимствований, их произношение отлично от русского.

Из-за быстрой речи и частого использования «õ» (ы) этот язык напоминает эстонский. И этот старик, наш первый вожанин, разве не напоминает он эстонского деда из Кодавере (*Kodavere*) или Тудулинна (*Tudulinna*)? Так много знакомого в его аккуратности и кропотливой возне с грузом, в его трезвой скромности по отношению к чужому и вообще во всем его поведении. Вожанина и по лицу можно всегда отличить от русского, ибо в нем больше серьезности и задумчивости, чем во взоре среднего россиянина. Такое впечатление углублялось по мере того, чем больше водских деревень удавалось посетить. Несмотря на дорожную усталость и заманчиво-жаркую августовскую погоду, уже в день приезда решаем совершить первую экскурсию в водскую деревню. Наш путь ведет на юг от Котлов к деревням Пумалицы и Раннолово. Шагаем между полями, по извилистому валу, рядом с которым тянется заросший травой канал. По рассказам людей, это старинный водопровод, по которому в прошлом подавалась питьевая вода с горы в долину, в деревню. По левую руку, среди лугов, виднеются два расположенных близко друг к другу лесочка, своей правильной формой напоминающих подстриженные декоративные кусты. Это кладбища, которые в народе

называются «шведскими» (*svedakalmōd*, букв. шведские могилы). Здесь, на заросшей травой каменистой земле, растут мелкие дубы и другие лиственные деревья.

Само кладбище оставляет впечатление запущенности, заброшенности. Крестов мало, да и они стоят как-то криво-косо. Вдруг в глаза бросается нечто непривычное для кладбища – сколоченные из досок и покрашенные в кроваво-красный цвет обелиски с острыми как булавка концами – своего рода вклад большевиков в старое кладбище, который должен был пробудить народ от религиозного «опиумного сна». Насколько чужды эти обелиски-монстры в данной местности, лучше всего демонстрирует глубокое уважение народа к своим святыням. Здесь еще часто встречаются всевозможные священные деревья, камни и колодцы, от активного использования которых в последние десятилетия народ постоянно отчуждался, но уважение к которым до сих пор заметно в каждом ребенке. Здесь, под Пумалицами, находится Ильинский колодец, точнее, огороженный срубом крытый родник, к которому ходили просить помощи от глазных болезней, а рядом с ним руины Ильинской часовни и пара вкопанных в землю каменных крестов, называемых Ильинскими камнями⁴⁶.

В деревне, перед первой избушкой, встречаем старика и женщину чуть помоложе, внимательно чистящих грибы. Совершаем первую попытку вторгнуться в водское хозяйство, и это неожиданно хорошо удается. Женщина оказалась прекрасной рассказчицей и знатоком фольклора для нашего лингвиста, который в течение двух недель черпал от нее информацию. Ходили слухи, что она занимается даже колдовством. Так или иначе, в ней было свойственное для ведьм нервное напряжение, да и отношения с нашим лингвистом она прервала весьма своеобразным образом.

Позже я познакомился с ее старшей сестрой-вдовой, которая жила в соседней деревне. Эта спокойная, высокоинтеллигентная старая женщина навсегда останется в моей памяти. Ее рассказы были уверенными и речь понятная, что общение с ней произвело на меня незабываемое впечатление. И с какой честностью она пыталась исправить каждую деталь своего богатого багажа знаний, как только замечала, что память подвела ее.

Вообще, о водских женщинах надо сказать, что они сравнительно мало пытались солгать. Единственное,

что случалось, так это то, что кое-кто из ижоры выдавал себя за воду, ведь именно вода оказались героями дня из-за нашего присутствия. Лингвистам было легко обмануть, потому что все, кто живет вместе с этим народом в одной деревне, знают какие-то водские слова. Воджанкой представилась даже одна старая русская женщина, которая долгое время была учительницей в водской деревне и потому знала водские слова.

ПО СРЕДНЕ-ВОДСКИМ ДЕРЕВНЯМ. Район Пумалиц и Раннолово остался для нас, этнографов, сравнительно второстепенным по значимости местом, ибо мы нашли для себя более богатую в научном плане группу деревень Маттия–Корветино–Савикино. В этих старых деревнях, далеких от центра, еще чувствовалась атмосфера традиционной сельской культуры, хотя почти десятилетний колхозный период успел и здесь совершить свою разрушительную работу. Здесь встречались еще старые дома с соломенной крышей, коньки которых украшали типичные для воды причелины с птичьими головами.

Мы оказались здесь в разгар молотбы ржи, когда по утрам можно было слышать таинственные звуки хлестания снопов об молотильную скамью и звук бития цепов о глиняный пол гумна. Молотили зерно и топили ригу, и потому в безветренную погоду по утрам вся округа наполнялась исходящим из топящейся риги сладким запахом пара свежих снопов и дыма.

Несмотря на колхозный порядок, жатва и молотба на водских территориях сохранили свои старые формы, как это было знакомо нам и нашим родственникам по языку еще столетия назад. Жнут хлеба исключительно серпами, и эту работу выполняют только женщины.

Здесь помнили еще и один связанный с жатвой древний ритуал, который проводился во благо будущего урожая и удачи. Ритуал следующий:

Последние соломины ржи поначалу остаются необрезанными. Затем приходит мать семейства, кладет между соломинами ржи на землю буханку хлеба или горшок с кашей, складывает колосья сверху над горшком в охапку и связывает их специальным узлом. Этот узел имеет своеобразное название «борода года» (по-водски *vuvvōn perta*), а само действие называется завязыванием «бороды года».

Затем хозяйка произносит слова надежды на будущий богатый урожай, срезает серпом узел и складывает

эту рожь в последний сноп. Далее следует общая трапеза, сидя вокруг котла с кашей или хлеба.

До сих пор сохранились воспоминания и о других сельскохозяйственных обрядах. В прошлом был обычай класть первый сноп ржи в комнату под красный угол за обеденным столом, где он оставался на три дня.

Очень популярным праздником во всей Водской земле был так называемый «праздник лошади» или «Хлаари» (День св. Ф/Хлора и Лавра), который тоже частично связан с жатвой и плодородием.

День Хлаари праздновался 31 августа (по новому стилю), накануне вечером хозяйка шла на поле, срезала пару снопов овса и в корзинке ставила их во дворе у стены избы. На следующее утро пекли специальный хлеб из новой ржи, так называемый «хлаари-какк» (*hlaari-kakk*), на котором делался крест из теста, а в середине запекалось яйцо.

Выпеченный хлеб ставили на стол под иконами, а сноп овса на лавку под иконами. Затем хозяин раздавал хлеб членам семьи, причем часть оставляли для лошади. Лошадь поглаживали выпеченным на хлебе яйцом, чтобы она оставалась такой же круглой, как яйцо.

С праздником лошадей случилось такое недоразумение, что мы не смогли разделить радость этого праздника (насколько это вообще возможно в наши дни). По недоразумению или по какой-то другой причине нам сказали, что этот праздник проводится 2 сентября, на самом же деле его отметили 31 августа. Вряд ли мы особо много потеряли из-за этого недоразумения, так как в деревне оставалось только три утомленных лошади, и вряд ли в военное время были запасы для приготовления колобка для лошади.

Работы по молотбе зерна.
Вейание зерна с помощью совка.
Складывание снопов для молотбы.
Установка снопов на колосники для сушки.
Рисунки: И. Линнат, ERM EJ 164:1–3

46 Почитаемые объекты, посвященные пророку Илье.

Наш хозяин в деревне Маттия все-таки отметил этот день – когда я утром вышел во двор, чтобы спросить информацию о «хлаари», старый белый мерин, который не раз служил нам перекладной лошадкой, стоял в углу двора, последние соломки овса во рту. Я тут же направил на него объектив своей фотокамеры, и то, что осталось на фотопленке, – единственное воспоминание о знаменитом водском празднике лошадей!

В связи с этим праздником вспоминается еще кое-что: все деревенские женщины приступили к уборке овса серпами, и ровное поле запестрело на солнце разноцветьем их ситцевых платьев.

Во время экспедиции несколько раз удавалось окататься на молотье. Так как в большевицкое время многие частные риги были разрушены, то вся деревня собирается теперь на молотьбу на общем гумне. Там был разный люд – мужчины, женщины, дети, – и потому всегда находился кто-то, кто был готов пообщаться

с нами во время перерыва. Водская рига уже сама по себе является достопримечательностью, чем-то средним между нашими ригами и овином восточных финно-угров (мордвы, черемис⁴⁷).

Тяжелая соломенная крыша риги опирается на крепкие столбы, конец которых просто вкопан в землю. Между этими столбами на одном конце постройки находится гумно, с обеих сторон затененное широким карнизом. Время от времени дверь риги открывается и вместе с духотой оттуда выбрасываются снопы, сначала на специальную молотильную скамью, где парой ударов выбиваются крупные зерна, а затем на глиняный пол, где цепями с них отбиваются последние зерна.

Во времена колхозов в здешние деревни привезли молотилки, но это были очень маленькие, приводимые в движение двумя лошадьми игрушечные инструменты, у которых, как правило, отсутствовали

47 Старое название марийцев.

«Борода года» – связанный с магией плодородия обычай завязывания последних несжатых колосьев ржи, д. Маттия. Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:71

Угощение лошади «овсом Хлара» (в честь праздника лошадей) в хозяйстве Николая Морозова, д. Маттия. Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:140

соломоподъемники и решета. Их можно увидеть в каждом гумне, но, похоже, их производительность намного ниже, чем при ручной молотье.

У одного гумна я видел даже три веялки, но две из них были уже сломаны, непригодны. Однако, несмотря на наличие разных машин, еще можно было увидеть старый традиционный способ веяния зерна с помощью совка.

Где вместе много людей, там всегда начинаешь сравнивать их внешность, манеру работать и вообще отношение к своей работе. Что касается води, надо признать, что они в основном прилежные и порядочные работники. Одно удовольствие смотреть, как пожилые мужчины и женщины обращаются с цепями, вилами и граблями. У молодого поколения, однако, можно заметить очевидное неприятие к работе: двигаются лишь столько, чтобы не мешать другим.

Это одно из прямых последствий колхозного хозяйства, что человек превратился в батрака. Особенно это сказалось на молодых холостых людях, у которых не было никакой ответственности перед семьей. Вот почему молодежь всячески стремилась из деревни в город, на заводы, где борьба за существование была не такой тяжелой, как в колхозе. Труд для стариков с каждым годом становился все тяжелее, урожаи – беднее, а питание – хуже. Таким образом, только плохим питанием объясняется то, что в зажиточных в прошлом водских деревнях можно увидеть детей с вероятной задержкой роста.

Непонятный коллективный труд, малые урожаи и постоянный дефицит способствовали усилению жесткости в отношениях между людьми. На гумне и в поле иногда можно было заметить интересное явление, когда кто-то начинал обвинять другого в безделье и жадности, и вскоре все женщины собирались в кучу и ссорились. Но эта ссора, казалось, была нормальным явлением, ибо она заканчивалась так же внезапно, как и начиналась.

ДРЕВНИЕ ЧЕРТЫ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОДИ.

Здесь, в центральной части Водской земли, помимо жатвы и молотьбы, в народной культуре можно заметить и другие древние черты. Например, хотя бы то, как домохозяева бросают жребий на сенокосные участки на общественном лугу; как по утрам под звуки пастушьей трубы гонят стадо на пастбище; как ранним утром еще до света начинают свой монотонный гул ручные жернова. Водский пастуший рог, эта простая берестяная труба, уже сама достойна того, чтобы провести несколько ночей в водской деревне.

Звук пастушьей трубы я когда-то много лет назад слышал в Муствее (Mustvee), и тогда я был довольно невысокого мнения об этом инструменте. О том, что обращение с этим простым инструментом требует определенной культуры и традиции, можно было убедиться на Водской земле. Во всяком случае, здешние пастухи могли выудить из этого инструмента так называемые бархатно-сонорные звуки, что, можно сказать, уже класс сам по себе. Этот звук особенно чарует, когда доносится откуда-то из тихой лесной дали.

Весьма экзотическими кажутся водские лодки-долбенки, которые применяются в тихую безветренную погоду при ловле рыбы на озере. На самом деле лодка (*vene*) представляет собой корыто с плоским дном, но своим длинным стройным корпусом издали она производит впечатление легкого каноэ. Приспособление очень неустойчивое, но вожанин, действуя одним веслом, виртуозно владеет им в любой ситуации. Весной, во время нереста, в нос лодки вставляется коза⁴⁸, и затем при свете горящего соснового смолья начинается ловление рыбы острогой.

Деревни почти со всех сторон окружены большими лесами, однако охота в жизни води уже не играет никакой роли. Вероятно, от охоты народ отучил большевицкий режим, опасавшийся всякого рода огнестрельного оружия в руках народа. У людей не было времени думать об охоте и из-за колхозной работы. Однако о том, что в прошлом здесь жили крутые охотники, свидетельствуют байки о схватках с медведями и столкновениях с волками. Имеются также и следы глубоких лосиных могил.

48 Специальное железное приспособление с рогатинами, между которыми ставится котел с горящим смольем или кладутся горящие лучины.

Разрушенные пожаром Пумалицы, справа
руины Ильинской (Илийский) часовни.
Фото: Э. Лайд, ERM Fk 1009:373

КАК ВЫГЛЯДЯТ ЖИЛИЩА ВОДИ? Культура жилища и дома у води сложилась совсем иначе, чем у нас на родине. Как и вообще в Новгородской области на северо-западе России, здесь дом в широком значении состоит из двух параллельных рядов строений, один из которых предназначен для проживания людей, а другой является укрытием для скота.

В более старых хозяйствах эти ряды располагались далеко друг от друга, так что между жилыми помещениями и помещением для скота оставался узкий открытый двор. Поскольку и этот двор с обоих концов замыкали строения, образовывался архитектурный комплекс, напоминающий средневековые замки.

Исследователи уже давно высказали мнение, что этот четырехугольный крытый двор на северо-западе России является древним скандинавским культурным наследием. Это отнюдь не невозможно, ибо распространение скандинавского культурного влияния на Новгородские земли является исторически доказуемым явлением.

О том, что такой строительный способ имеет у води древние корни, свидетельствует тот факт, что двор между рядами построек и крытым помещением для скота называется не русским заимствованием, а носит своеобразное старинное название *õvi* (ср. с нашими [эстонскими] *õu*, *õue*).

С другой стороны, терминология водского жилища как бы указывает на то, что этот народ, как и эстонцы, когда-то использовал ригу в качестве жилища. Вожане называют свою избу *rihi*, что является тем же словом, что и эстонское *rehi*, а помещение перед жилой избой – *reheesine*.

О сложности культурно-языковых отношений смешанного населения Ингерманландии свидетельствует также тот факт, что водь называют свое гумно русским заимствованием *riiga*, в свою очередь, еще в далеком прошлом перешедшим в русский язык из прибалтийско-финских языков. В водском языке (в восточном диалекте) встречается также южно-эстонское слово *tare* (изба), но в значении бани. Эквивалент нашего

слова *taja* (дом) сохранился в языке местного народа в довольно зачаточном значении: так называется временное сооружение – шалаш пастухов, охотников и косарей.

Водский дом представляет собой так называемое двустороннее жилище, где две жилые комнаты-избы соединены между собой просторными сенями. Сени, в которые мы попадаем, зайдя с улицы, – очень прохладное и приятное помещение в летнее время. Являясь помещением без потолка между двумя жилыми избами, здесь всегда чувствуется сквозняк, начинающийся от двери и постепенно поднимающийся к широкой соломенной крыше. В задней стене сеней напротив главного входа есть еще одна дверь, но ею пользуются только тогда, когда надо идти в скотный двор.

Кто впервые ступает в сени водского жилища, его прежде всего удивляет натертый до праздничной белизны пол, который обычно сделан из широких сосновых или еловых досок. В одном из задних углов сеней бросается в глаза ряд бочек и чанов, по крайней мере один из

которых представляет собой большую кадку с крышкой, которая до сих пор частенько выполняет здесь роль сундука. Эта кадка обычно отличается от других тем, что на ее стенках имеется выжженный орнамент в виде множества беспорядочных кругов. В других бочках и чанах хранятся всевозможные продукты, такие как творог (если есть), клюква, грибы и так далее.

В задней стене сеней, под скатом крыши, на жерди висит длинный ряд связанных в пару банных веников на зиму. Летом в сенях выполняются всевозможные домашние дела, потому что здесь прохладно и тенисто. Часто здесь в одном из углов можно увидеть еще и кровать с пологом *uude*, по-водски *uvvi* или *uudimõ*, – древним приспособлением финно-угорских народов для защиты от комаров и мух. Полог представляет собой удлиненный плоскодонный мешок из белого или клетчатого холста, подвешенного с помощью лямок на специальный каркас над кроватью. Пологи в прошлом были очень модными, их брали даже на косьбу, во временные домишки *taja*.

Пастух с берестяным рожком на лугу д. Пумалицы.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:7

Острога, коза и морда в хозяйстве Егора Иванова, д. Савикино, 10.09.42.
Рисунок: И. Линнат, ERM EJ 161:31

Фасад дома Морозовых, д. Маттия.
Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:178

Водская жилая изба, как и сени, чиста и приятна. При входе в дом, обычно слева от двери, располагается устье большой побеленной известью печи, рядом с которой в дверном углу висит типичный для восточных народов рукомойник над трехногой кадкой-лоханкой. В том же углу находятся несколько ухватов и кочерга. Когда в старину в доме появлялись сваты, они давали знать о своих намерениях тем, что с грохотом и шумом пинали ухваты и кочергу на пол.

Правый угол рядом с дверью – это посудный уголок, где стоит шкаф или полка с кухонной посудой и другими емкостями. Дальше от этого угла находится главный угол с обеденным столом и шкафом или полкой для икон. Этот угол, который вожанин с благоговением называет божьим уголком, сохранил свою святость даже в большевицкое время, и сегодня в каждой без исключения водской избе можно увидеть одну или несколько позолоченных икон, обрамленных полотенцами с орнаментированными концами. Однако не случалось заметить, чтобы вожанин кланялся или крестился перед иконами в присутствии постороннего.

По другую сторону от сеней располагается чистая часть водского жилища. Половики, белые легкие шторы и покрывала не редкость в этой комнате. Эти роскошные для сельского быта предметы относятся к периоду зажиточности до мировой войны, когда вожанин на своей лошади возил на Санкт-Петербургский рынок и продавал за хорошую цену всевозможные плоды сада и огорода. С тех времен в хозяйстве води сохранились большие смородиновые сады, которые и сегодня дают хороший урожай. Такой товар возили на рынок до периода колхозов, но потом это по понятным причинам постепенно прекратилось.

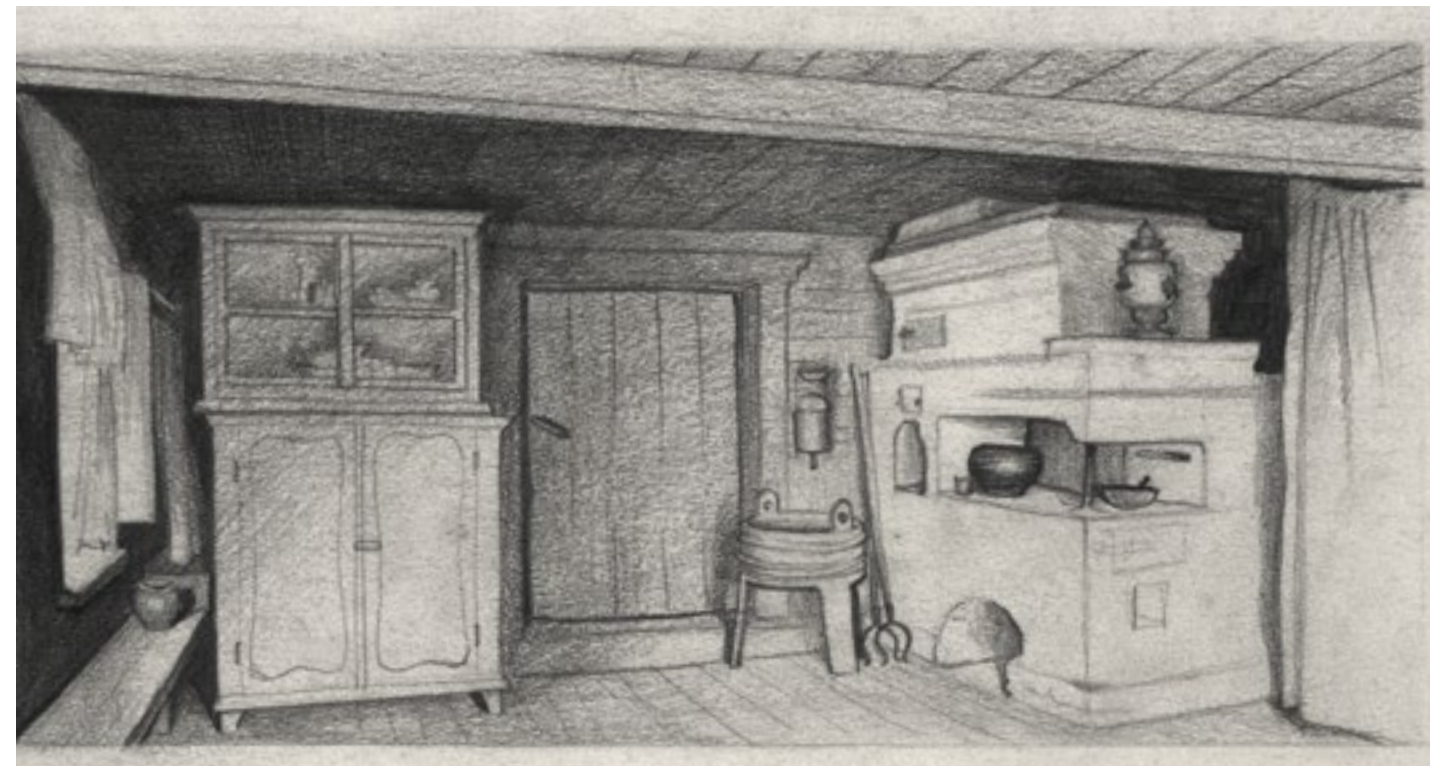
Фасад дома Петра Егоровича Боранова, д. Маттия. Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:104

В ГОСТЯХ У ВОСТОЧНОЙ ВОДИ. Как уже отмечалось, восточная водь сегодня проживает только в одной деревне Иципино. Это настоящая залесная деревня, до которой из центральной части Води можно добраться по извилистой дороге длиной в десяток километров.

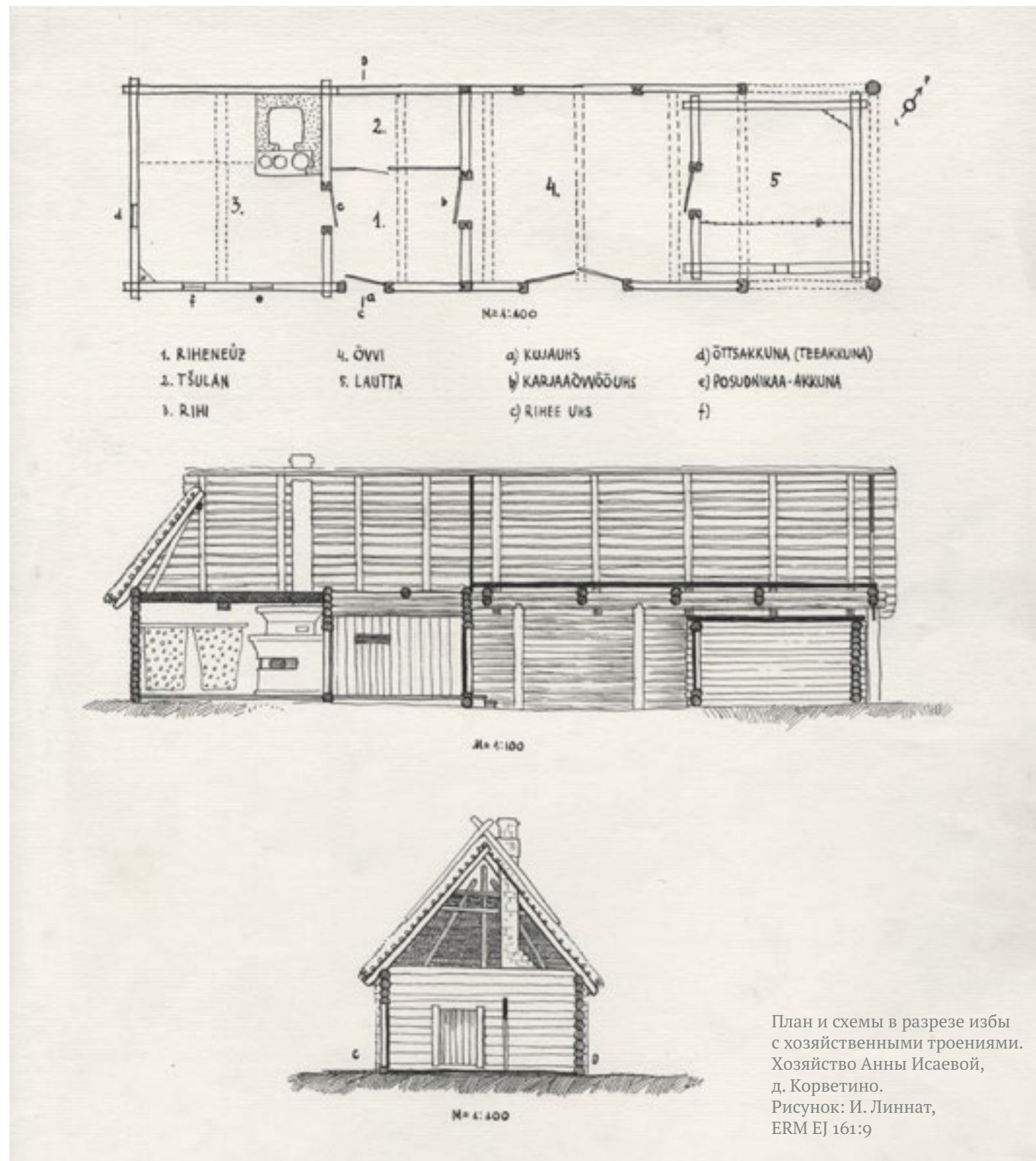
В одно красивое утро в начале сентября мы садимся в тяжелую груженую телегу и едем туда. Приятно пригревает солнце, лошадям лень везти, и потому у нас полно времени, чтобы насладиться красотой и разнообразием природы. Вместе с нами извивается и река Сума, то приближаясь, то отдаляясь от нас и время от времени перерезая наш путь своими изгибами и поворотами. В начале нашего пути ее берега скрываются в плотной заросли ольхи, но затем вдруг появляется старая мельница, и дальше речной поток тянется уже по пологим лугам, изгибаясь между круглыми холмами. В некоторых местах дорога круто поднимается в гору, и нам приходится слезать с телеги, чтобы облегчить груз. Где-то рядом с дорогой, в старом заросшем русле реки, замечаем гору с плоской поверхностью, которая, вероятно, выровнена человеческой рукой. Возможно,

это старое городище, но у нас нет времени для его обследования. Скоро снова начинается редколесье, и посреди лесочка, вокруг дымящейся кучи древесины, суятся мужчины с покрытыми сажей лицами. И вдруг мы неожиданно оказываемся в Луизино, на месте той старой мызы, откуда дорога ведет нас через широкий дремучий лес в деревню Иципино.

Хотя в животе уже урчит после легкого завтрака, нам не хочется терять время даже на короткую остановку, и потому мы взваливаем свои пожитки на спину и направляемся к цели. Вначале нас встречает неглубокий кустарник по обеим сторонам дороги, но потом, примерно после километра ходьбы, выясняется, что нам предстоит пройти через довольно густой темный лес. Хотя проселочная дорога и прямая, ее не сравнить ни с одной из виденных ранее дорог: одна глиняная лужа за другой, так что каждый раз приходится обходить мокрые места по узкой извилистой тропинке. Тяжесть ноши давит на плечи, и от сырого лесного воздуха и физического напряжения тело покрывается потом.

Интерьер избы Петра Боранова, д. Маттия. Рисунок: И. Линнат, ERM EJ 161:55

Устав от постоянного блуждания между луж, выбираем лесную тропинку между стройными елями, которой, похоже, нет конца. Кое-кто из нас уже начинает сомневаться, правильно ли мы идем, как вдруг лес кончается и перед нами открывается просторный, солнечный пейзаж. На переднем плане этого ландшафта вырисовывается кучка домишек с соломенной кровлей и слегка потрепанным видом. Это и есть цель нашего путешествия – самая восточная водская деревня.

Нам везет, потому что уже примерно через час мы находим себе жилье, на этот раз в одном ижорском хозяйстве. Нас любезно принимают; получаем к еде свежее молоко и лук, что является приятным дополнением к нашей однообразной дорожной провизии.

Мы остаемся здесь на три дня и обнаруживаем много чего нового, чего в других средне-водских деревнях не удалось увидеть. В одном конце деревни живут вожаки, в другом – ижорцы. Русских здесь сначала не было, но некоторые попали сюда по причине брака.

Хотя деревня располагается далеко от центра Водской земли, народная культура здесь более самобытная, так сказать, более водская. По-видимому, это связано с расположением деревни в залесье. Так, здесь еще бытует целый ряд народных терминов, которые в других средне-водских деревнях уже заменены русскими заимствованиями. Далее, можно найти следы старинных ремесел, как женских, так и мужских, которые в средне-водских деревнях уже исчезли. Также здесь имеется пара хозяйств, в которых сохранился целый набор плотничьих инструментов, здесь же мы нашли прялки, веретена и ткацкие станки в хорошем состоянии.

Люди здесь, похоже, сохранили больше самобытных черт и больше душевного равновесия, так что у меня в памяти остался целый ряд своеобразных личностей. Среди них вспоминается, прежде всего, один старый глава семейства, который когда-то был языковым информантом знаменитого финского лингвиста Э. Н. Сетяля. Своей редкой седой кудрявой бородой и слегка рассеянным взглядом он больше напоминал древнего колдуна или жреца, нежели обычного деревенского мужичка. Его речь была какой-то бормочущей и витиеватой, когда он отвечал на мои вопросы, в полумраке рубя капусту перед печью, а вообще, он был доброжелательным и усердным, пытаюсь понять наши задачи. Позднее он открыл для нас все свои амбары и сараи и с большим интересом объяснял все, что нас интересовало.

Терпение и доброжелательность другого старика в разговоре с нами зашли так далеко, что он забыл поставить в печь еду для участников толоки. Конечно, когда около часу дня толпа голодных женщин, собирающих картошку, грозной тучей ворвалась в избу и потребовала еды, дела старика были плохи, и мне пришлось срочно уйти.

Три дня прошли в напряженной работе, и одним дождливым вечером мы снова оказались в Луизино, чтобы ранним утром отправиться в обратный путь. На этот раз мы смогли познать гостеприимство карельской домохозяйки, которая в дополнение к теплоте и чистоте жилья угостила нас ужином и завтраком.

В ЗАПАДНО-ВОДСКИХ ДЕРЕВНЯХ РУССКОЕ ВЛИЯНИЕ НЕ ЗАМЕЧАЕТСЯ. Раз уж мы оказались в Ингерманландии, не хотелось упустить возможность посетить западную водь в устье реки Луги. Надо сказать, что эта поездка во многом дополнила ту картину, которую мы наблюдали в средне- и восточно-водских деревнях. Если в Средней и Восточной Води язык и культура народа задыхаются от назойливой русскости, почти полностью охватившей водскую молодежь, то в Западной Води это так остро не чувствуется. Правда, и здесь все население говорит по-русски, но можно еще найти такие семьи, где все – от стариков до детей – могут общаться между собой на водском или ижорском языках.

Пишу специально «водский или ижорский», ибо здесь наблюдается своеобразный процесс ассимиляции, при котором водь становится ижорой. Учитывая то, что кроме коренного ижорского языка здесь многие весьма хорошо знают эстонский и понимают финский, то можно сказать, что образовалось нечто наподобие «прафинского» гнезда, в котором в зачатке представлены разные прибалтийско-финские языки.

При этом интересно обратить внимание, что параллельно с сильной языковой традицией здесь дольше сохранялось и старое культурное наследие. Так, если в восточно-водских деревнях этнографу приходилось реконструировать народную одежду только по сохранившимся сведениям, то здесь, в Краколье, можно было еще встретить настоящие водско-ижорские костюмы со всеми причитающимися к ним украшениями. Здесь сохранились также дворы с четырехугольной планировкой, которые в Средней Води уже совсем исчезли. (В Иципино их все-таки можно было еще найти).

Сохранение старых традиций именно здесь, в Краколье, тем более примечательно, что сама местность находится на территории советского промышленного района, где сконцентрировано много приезжей рабочей силы из Центральной России. Да и национальный гнет, проводимый через школу и другие организации, был здесь не меньше, чем в других водских регионах. Здесь, как и везде в Ингерманландии, первые пару лет дети обучались в школах на родном языке (вернее, на каком-то нормированном смешанном языке), но потом произошел резкий перелом, переведший все школьное обучение на русский язык. Вот тебе и культурная автономия малых народов Ингерманландии, обещанная большевиками!

Что касается содержательной стороны школ, то народ везде выражал одно и то же мнение: школа отчуждала молодых людей от жизни и от своего дома.

Мне все еще вспоминается один старик из Краколья, который не мог перестать ругать и насмехаться над учебниками времен большевизма. «Что можно было читать в этих книгах! – говорит он. – Там можно было найти только суждения такого рода, как например рассказ про двух парней: «Ларо пашет трактором. Микко пашет плугом. У Ларо легкая работа и веселое настроение, а у Микко трудная жизнь, так как он должен пахать плугом».

Я спросил на это, сколько тракторов у них было в Краколье. На это хозяйка шустро ответила: «Наши Ларо все пахали плугами, ибо ближайший трактор, сказывали, работает в 20 километрах отсюда». Такие вот дела с этой теорией и реальностью.

Водь, это многострадальное племя, все еще жива, хотя от нее уже мало что осталось. Ей не раз предсказывали скорый конец, но каким-то чудом сохранилось еще несколько сотен человек, говорящих на водском языке. Трудно предсказывать конец народа, так же трудно, как предсказывать смерть человека, потому оставим последнее слово за тем, что называется судьбой народа.

На Водской земле, по сути, уже мало чего осталось, ибо здесь отсутствует национальное самосознание. Потому каждому человеку, говорящему на водском языке, следует снова и снова объяснять, кто он и где его корни. В большинстве случаев вожанин считает себя русским, ибо он «русской веры».

«Мы даже лучшие русские, чем сами русские, потому что и при большевиках мы ходили в церковь», – сказал мне искренне один старик, когда я, исходя из его языка, посмел усомниться в его русском происхождении. Таково оно – старое поколение, хребет води. Что же говорить о молодежи, совсем не знающей языка своих предков.

Женщины в поле за уборкой картофеля, д. Иципино. Фото: Г. Рянк, ERM Fk 1007:215

Itäpäivä, Alexander Maksimovitch
(Tgav.) • Andrejast —

siista ? pöytä?

koika ? ahjukumma

arina ? ahjukalle

arinas ? ahjualus, adusus

ahjopää ? ahjupäälus

ležonka ? leso

pešurkat ? ahjuampid

asturvas ? ahjupink

maukans ? mejamis lava?

* lavene ? pešurpink

järtsii ? pinn?

Puomoo ? tšis pinnat mungas

lana otsas

avraazä ? pühare?

božnkanovka ? pinnatovka?

Sudnikanovka ? annatovka?

autonovka

345) Saunin ? lastala?

346) Lona teas. Lanna asetus vabas
üldine. —

347) Andrejast maja on H5a. tagasi ehitatud.

Tamariisi ehitatud: Tammariisi oli käigul
Päästava vabastuse vaskel, alles imama
ajal on hakatud ehitama pinnat

348) Kaurjalastel on voko,
vabastatel božnitsa.

349) Lutsu on val H5a. tagasi.

Kõlas oli veel kõrgemad suutovad-
jused. Suutovad on veel vabast

Источники и литература:

Личный архив Густава Рянка в Эстонском национальном музее
Eesti Rahva Muuseum Ak 5. Gustav Ränga arhiiv:
ERM Ak 5.4/5 G. Ränk. Päevaraamat. Vadja I. (1942).
ERM Ak 5.4/7 Gustav Ränk. Päevaraamat. Vadja 1943. Liivi 1943.
ERM Ak 5.4/8 Gustav Ränk. Ingeri ekspeditsiooni aruanne 1943.

Материалы экспедиций 1942–1943 годов
Предметная коллекция:
ERM B 45:1–50 (1942, водь)
ERM B 46: (1943, ливы)

Фотоколлекции:
ERM Fk 1004:1–151 (Ilmar Talve, 1942)
ERM Fk 1007:1–301 (Gustav Ränk, 1942)
ERM Fk 1008:1–19 (Ilmar Talve, 1942)
ERM Fk 1009:1–450 (Eerik Laid 1942)
ERM Fk 1049:1–149 (G. Ränk, 1943)
ERM Fk 1050:1–60 (G. Ränk, 1943)

Этнографические рисунки:
ERM EJ 161:1–57 (Ilmar Linnat, 1942)
ERM EJ 163:1–34, 164:1–4 (I. Linnat, 1943)

Эстонский Национальный архив:
RA, EAA 2100.15.77, leht 6. Kirjavahetus kultuurielu ja uurimistööde toetamise asjus.

Arens, Ilmar 1994. *Peipsitagused eestlased. Fakte, dokumente ja mälestuspilte Ida-Peipsimaa uurimusilt 1943–1944*. Toimetanud Ott Kurs. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Ariste, Paul 1987. Julius Mark pedagoogina ja õpetlasena. – *Keel ja kirjandus*, 11: 676–679.

Ariste, Paul 2005. *Vadja päevikud 1942–1980*. Koost. E.-H. Västriku; toim. P. Olesk. Sari: Litteraria. Eesti kultuuriloo allikmaterjale. Vihik 22. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum.

Beke, Ödön 1938. Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern. – *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 49.

Erelt, Pekka 1997. Saateks. – Laid, Eerik. *Paopaigad*. Tartu: Ilmamaa, 466–469.

Fokos-Fuchs 1915/16 = Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifogoly-tanulmányok ügyében. – *Keleti Szemle*, XVI: 261–262.

Fokos-Fuchs 1916/17 = Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifoglyokkal való nyelvi tanulmányairól. – *Keleti Szemle*, XVII: 228–230.

Fokos-Fuchs, Dávid Rafael 1951. *Volksdichtung der Komi-Syrjänen. Gesammelt und herausgegeben von D. R. Fokos-Fuchs*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Grünthal, Riho 2006. Lauri Kettunen – eesti keele eestkostja Soomes. – *Emakeele Seltsi aastaraamat 52*. Tallinn: Emakeele Selts / Eesti Teaduste Akadeemia, 197–213. <https://www.emakeeleselts.ee/wp-content/uploads/2020/06/Grynthal.pdf> (дата обращения: 18.09.2022)

Heinsoo, Heinike 1995. Paul Ariste ja Ingerimaa. – *Minor Uralic Languages: Grammar and Lexis*. Edited by Ago Künnap. Tartu-Groningen, 61–66.

Helminen, Helmi 2008. Matkapäiväkirja. Museoesineiden keruumatka Repolassa 6.10.–18.11.1941. – *Rajantakaista Karjalaa / Karelia. Across the Border*. Toimittanut Ildikó Lehtinen. Helsinki: Kulttuurien museo, 84–123.

Jääts, Indrek 2022. Eesti etnograafide Vadja välitööd aastatel 1942–1943. – *Tuna. Ajalookultuuri ajakiri*, 2: 60–82.

Kalling, Ken; Erki Tammiksaar 2021. Adaptation and Survival: University Science in Tartu under the German Occupation, 1941–1944. – *Science, Occupation, War: 1939–1945*. A Collective Monograph. Edited by Michal V. Šimůnek, Prague: Academia USD AV ČR, 31–55.

Koeppen 1849 = *Ethnographische Karte des St. Peterbursburgishen Gouvernements, angefertigt und erläutert vom Akademiker, Dr. P.V. Koeppen*. Herausgegeben von der k. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg.

Kuznetsov, Nikolai 2005. Eessõna. – *Komi rahvaluulet. Kogunud P. Ariste*. Koostaja Nikolai Kuznetsov, vormistus Andres Kuperjanov. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi folkloristika osakond, 11–14. https://www.folklore.ee/rl/pubte/ee/ariste/komi/01_titel.pdf (дата обращения: 20.10.2022)

Kuznetsov, Nikolai 2004. Komi rahvaluulet. Kogunud P. Ariste. – *Mäetagused* 28: 191–197. <https://www.folklore.ee/tagused/nr28/komi.pdf> (дата обращения: 20.10.2022)

Kurs, Ott 1994. Ida-Peipsimaa eesti asustuse uurimine Teise maailmasõja ajal. – Arens, Ilmar. *Peipsitagused eestlased*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 5–12.

Kurs, Ott 1998. Rahvateaduslikud uurimistööd Ingeris ja Peipsitaguses II maailmasõja ajal. – Tuisk, Astrid (toimetaja). *Eesti kultuur võõrsil. Loode-Eesti ja Siberi asundused*. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum, 84–90.

Lach, Robert 1926 = *Gesänge russischer Kriegsgefangener. Bd. 1. Finnisch-ugrische Völker. 1 Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge*. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs. Wien, Leipzig.

Medijainen, Eero 1995. Konstantin Pätsi testamendist. – *Akadeemia*, 6: 1123–1135.

Munkácsi, Bernát 1916. Jelentés az esztergomi fogolytáborban végzett votják nyelvi és népraizi tanulmányaimról. – *Akadémiai Értesítő, Február 15*, 61. old.

Munkácsi, Fuchs 1952 = *Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 102 / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 102: V–VII).

Mägiste, Julius 1959. *Woten erzählen. Wotische Sprachproben* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 118). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Noormets, Tiit 2001. Eestlaste ja teiste rahvusvähemuste ümberasustamine Loode-Venemaalt Saksa okupatsiooni ajal 1942–1943. – *Tuna*, 2: 39–59.

Oinas, Felix J. 1955. *The Votes*. New Haven: Human Relations Area Files.

Rahi-Tamm, Aigi; Argo Kuusik 2017. Tagasi esivanemate maale: Eestlaste evakueerimine Loode-Venemaalt 1942–44. – *Ajalooline Ajakiri*, 1 (159): 103–137.

Ross, Jaan 2012. On Estonian recordings made in German prisoner-of-war camps during World War I. – *Encapsulated Voices: Estonian Sound Recordings from the German Prisoner-of-War Camps in 1916–1918 (Das Baltikum in Geschichte und Gegenwart, 5)*. Edited by Jaan Ross. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 41–57.

Russow, Erki 2021. Eesti arheoloogia ideoloogiate ristteel. Rahvusteadus 1940. aastate esimesel poolel kommunistliku ja natsionaalsotsialistliku võimu tuultes. – *Tuna*, 3: 53–73.

Ränk, Gustav 1942. Eesti teadlased uurimisreisil Vadjas. – *Eesti sõna*, 283 (8.XII), 284 (9.XII), 286 (11.XII), 287 (12.XII).

Ränk, Gustav 1943. Vadjalased ja nende kodumaa. Pilte hõimurahva elust. – *Eesti Pildileht*, Nr 1, August, 6–8.

Ränk, Gustav 1948a. Mõned tähelepanekud vadjalaste lõikusriitustest. – *Virittäjä*, 52: 147–150.

Ränk, Gustav 1948b. Vatjalainen koti. – *Kalevalaseuran Vuosikirja*, 27–28: 129–157.

Ränk, Gustav 1951. Tähelepanekuid vadjalaste viljakoristamisest. – *Virittäjä*, 55: 468–471.

Ränk, Gustav 1952. Vatjalaisten olueenpanosta. – *Kotiseutu*, 43: 130–132.

Ränk, Gustav 1955. Vatjalaisten riihi ja riihityöt. – *Kalevalaseuran Vuosikirja*, 35: 279–295.

Ränk, Gustav 1959. Vadja rahva endisaegseist toitudest. – *Virittäjä*, 63: 145–154.

Ränk, Gustav 1960. *Vatjalaiset* (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 267). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Ränk, Gustav 1966. Einige Beobachtungen über die wotischen Erntebräuche. – *Annales Societatis Litterarum Estonicae in Svecia*, IV: 117–122.

Ränk, Gustav 1971. Mõni sõna pagulasteadlaste toodangu dokumenteerimisest. – *Tulimuld*, 2: 92–93.

Rühm ülikooli õppejõude sõitis teaduslikule reisile Ingerimaale 1943. – *Postimees*, 3. august.

Pimiä, Tenho 2009. *Tähtäin Idässä. Suomalainen sukukansojen tutkimus toisessa maailmansodassa* (Jyväskylä Studies in Humanities 124). Editor Petri Karonen. Jyväskylä: Jyväskylän Yliopisto.

Salminen, Timo 2008. *Aatteen tiede. Suomalais-Ugrilainen Seura 1883–2008*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Suominen-Kokkonen, Renja 2008. Suomalainen taidehistorioitsija Itä-Karjalassa 1942–1944. – *Rajantakaista Karjalaa / Karelia. Across the Border*. Toimittanut Ildikó Lehtinen. Helsinki: Kulttuurien museo, 125–132.

Talve 1942 = Talve, Ilmar. *Päevik*, 31.12.1941 – 29.03.1943 (Koopia, ERM)

Talve, Ilmar 1943. Ingeri maa ja rahvas. – *Postimees*, 23. jaanuar.

Talve, Ilmar 1981. *Vatjalaista kansankulttuuria* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 179). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Talve, Ilmar 1990. Matka vatjalaisiin 1942. – Pekka Laaksonen, Sirkka-Liisa Mettomäki (toim.). *Inkerin teillä. Kalevalaseuran Vuosikirja*, 69–70. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 46–66.

Talve, Ilmar 1997. *Kevad Eestis: Autobiograafia I*. Tartu: Ilmamaa.

Talve, Ilmar 2008 [1962]. Eerik Laid. Äärejooni ta teaduslikust tegevusest. – Talve, Ilmar. *Vanem ja noorem Eesti*. Koost. S. Runnel; toim. U. Tõnisson. Tartu: Ilmamaa, 190–201.

Talve, Ilmar 2008 [1991]. Teadustee alguses II. Mälestusi Paul Aristest. – Talve, Ilmar. *Vanem ja noorem Eesti*. Koostanud S. Runnel, toimetanud U. Tõnisson. Tartu: Ilmamaa, 177–189.

Teaduslik uurimisreis Ingerisse 1943. – *Maa sõna*, 5. august.

Viires, Ants 2009. Ilmar Talve teadlasena. – Tonts, Ülo. *Ilmar Talve. Elu ja loomingu lugu*. Tartu: Ilmamaa, 263–273.

Västriks, Ergo-Hart. 2005. Saatesõna. – *Paul Ariste Vadja päevikud 1942–1980*. Koostaja E.-H. Västriks; toimetaja P. Olesk. Sari: Litteraria. Eesti kultuuriloo allikmaterjale. Vihik 22. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum, 5–15.

Weiss-Wendt, Anton 2013. Building Hitler’s „New Europe“. Ethnography and Racial Research in Nazi-Occupied Estonia. – *Racial Science in Hitler’s New Europe 1938–1945*. Edited by Anton Weiss-Wendt and Rory Yeomans. University of Nebraska Press.

Wichmann, Yrjö 1930. Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrische Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung. – *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakuskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 44: 10–19.

Ауль, Юхан 1964. Антропологические исследования води и ижорцев на западе Ленинградской области. – *Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Vihik 155. Antropoloogia-alaseid töid I*. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 118–164.

Красникова, Ольга 2011. Основные направления развития этнографического картографирования в России XIX – начала XX вв. – Яатс, Индрек; Эрки Таммикмаар (редакторы). *Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX вв.* Тарту: Эстонский национальный музей, 29–60.

Мусаев, Вадим Ибрагимович 2007. Эстонская диаспора на Северо-Западе России в XVIII–XX вв. – *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы № 10. Финно-угорские народы России (Проблемы истории и культуры): источники, исследования, историография*. (Редактор номера В. И. Мусаев). Санкт-Петербург: Издательство «Нестор–История», 323–342.

Карм, Светлана; Загребин, Алексей 2015. Не/известное этнографическое финно-угроведение: эстонская история. – *Вестник Удмуртского университета*. Серия «История и филология». Т. 25, вып. 1: 36–44.

Сурво, Вера 2007. Традиции Карелии в «иконической» реальности Финляндии. *Рябининские чтения – 2007* (Отв. редактор Т. Г. Иванова). Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи». <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/372.html> (дата обращения 26.10.2022)

Указатель имен

Алексеев Захар Алексеевич 34, 35
Андреев Александр Максимович 35, 92, 93
Ануфриева Авдотья Максимовна 9, 30, 31, 37, 55
Антонов Николай Степанович 24, 27
Аренс, Ильмар (Arens, Ilmar) 9, 52
Аристэ, Пауль (Ariste, Paul) 4, 5, 6, 7, 8, 12, 13, 15, 23, 24, 26, 27, 29, 30, 35, 37, 38, 40, 50, 53
Ауль, Юхан (Aul, Juhan) 5, 6, 52, 53, 55, 58, 72, 73
Боранов (Баранов) Петр Егорович 20, 24, 26, 27, 40, 55, 86, 87
Боранова (Баранова) Мария 9, 40, 55
Борисов Иван 38
Борисовы, семья 41
Варьягова, Пелагея 29
Васильевы, семья [Домна и Еким] 21, 36
Вассар (Vassar, Artur) 12
Вахер, Грегор (Vaher, Gregor) 52
Всеслав Полоцкий, князь 76
Гаврилов 55
Герасимова Матрена Павловна 9, 42, 43
Григорьева Пелагея 58, 59
Григорий IX, римский папа 76
Иванов 55
Исаева Анна Ивановна 27, 28, 29, 37, 55, 88
Исакова, Анна 55
Кёппен Петр Иванович (Koeppen (Körpen), Peter von) 63
Кеттунен, Лаури Эйнари (Kettunen, Lauri Einari) 35
Козлов, Сергей 62, 63
Козлов 55
Кузьмина Соломонида 24, 53
Лайд, Эрик (Laid, Eerik) 4, 5, 6, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 22, 24, 29, 30, 31 33, 35, 36, 37, 40, 41, 42, 43, 44, 50, 82
Линнат, Ильмар (Linnat, Ilmar) 4, 5, 6, 8, 21, 22, 24, 26, 27, 30, 35, 37, 38, 40, 44, 52, 53, 55, 56, 57, 60, 68, 72, 73, 79, 84, 87, 88
Липп (Lipp) 12
Лоодла (Loodla) 50
Л., лейтенант 51
Л., гатчинский товарищ по оружию 68
Льюке, Яан (Lõoke, Jaan) 52

Марк, Юлиус (Mark, Julius) 7
Маркова 24, 58
Мейгас (Meigas) 13
Моисеев Иван Маркович 29, 55
Моисеев Егор Маркович 30
Морозов Николай Тимофеевич 20, 22, 80
Морозова Серафима Ивановна 20
Морозов Тимофей Иосифович 20, 22, 24, 29
Морозов Иван Иванович 22, 24, 37, 55
М.-К. 21
Мягистэ, Юлиус (Mägiste, Julius) 5, 6, 7, 50, 56, 57, 58, 60, 65, 69, 72, 73
Никифоров Макар и его жена 38
Николаев Ефим Дмитриевич 30
Николаев 30
Оверберг, Генрих Финке фон (Overberg, Heinrich Vincke von) 76
Ойнас, Феликс (Oinas, Felix) 5, 6, 50, 51, 52, 55, 72, 73
Павел, император 51
Пиккоя (Pikkoja) 50
Пиккоя, Аугуст (Pikkoja-August) 52
Рянк, Густав (Ränk, Gustav) 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 16, 20, 22, 23, 26, 27, 28, 31, 34, 46, 49, 51, 52, 53, 54, 56, 59, 61, 62, 64, 65, 66, 67, 69, 72, 73, 75 80, 84, 85, 86, 91, 92
Рянк, Таави (Ränk, Taavi) 7
Самойловы 32
Сергеев Фукал 54, 57
Сетяля, Эмиль Нестор (Setäla, Eemil Nestor) 35
Смирнов Игнат Иванович 26
Степанов Николай 60, 61
Тальве, Ильмар (Talve, Ilmar) 4, 5, 6, 7, 8, 15, 23, 24, 25, 27, 30, 37, 38, 39, 40, 44, 45
Тальве (Talve), семья Ильмара Тальве 44
Тийвас 58
Тимофеев Тимофей 58
Тоомсе, Михкель (Toomse, Mihkel) 52
Федотов 40
Хальтсонен, Суло (Sulo Haltsonen) 13
Юлло, Леонид (Лео) (Yllö Leo (Leonid) 50
Яковлевы 40
Ярослав, великий князь 76

me vajun)
erame end
itise junda
eas Kattla
e valseker

Loogu su
real jaama
eõlute Karpin
arud Karpri,
laivuni kum-
le tu mi ja
kaadab jaam
e sõhtuht
kard meil
lele. aua
kõndruce
dama st